

ЕВГЕНИЙ САРАНДИ

НАКОВАЛЬНЯ
МИРОЗДАНИЯ

Том 2

Евгений Саранди

Наковальня Мироздания. Том 2

«Автор»

2025

Саранди Е. А.

Наковальня Мироздания. Том 2 / Е. А. Саранди — «Автор»,
2025

Боги узнали его имя. И мир начал трескаться. Кай больше не просто смертный с запретным оружием. Он - угроза самому порядку мироздания. Пантеон закрывает небеса, и путь к Цитадели богов лежит через земли, где сама реальность искалечена их властью. Пустыни обмана. Кузницы, питаемые звёздной плазмой. Боги стихий, что требуют не крови — а выбора. Но теперь Кай не один. Элара — живая противоположность огню и разрушению, несущая свет исцеления там, где мир давно должен был умереть. Люмин — хитрость, иллюзия и знание цен, о которых боги предпочитают молчать. А над ними — Зефир, небесный зверь, чьё крыло разрывает штормы и судьбы. В центре звёздных Кузниц, над бездной чистой энергии, решается не исход войны, а то, имеет ли смертный право переписать саму реальность. Эта история не о том, как убить богов. Эта история о цене, которую придётся заплатить, если тебе это удастся.

© Саранди Е. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Глава 29	6
Глава 30	13
Глава 31	22
Глава 32	30
Глава 33	39
Глава 34	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Саранди

Наковальня Мироздания. Том 2

Предисловие

О том, что было выковано

Мир не рушится сразу. Сначала он трескается.

Когда Кай впервые поднял Молот, он ещё верил, что разрушение – это инструмент. Что достаточно разбить неправильное, чтобы на его месте появилось правильное. Что боги – всего лишь препятствия. А сила – всего лишь средство.

Он ошибался.

Том 1 был историей становления. Историей Кузнеца, который шаг за шагом отнимал силу у тех, кто называл себя богами. Холод Фро'стаара. Вода и шторм Кел'Торна. Твердь Тер'ракса. Яд, свет, иллюзии, тени, ярость и пустота – каждая победа делала его сильнее... и опаснее.

Но вместе с силой росла и цена.

Кай видел, как легко стать тем, кого ненавидишь. Как просто оправдать жестокость целью. Как быстро грань между правосудием и местью стирается под ударом Молота.

Рядом с ним были те, кто не давал этой грани исчезнуть окончательно. Элара – жизнь среди разрушения. Люмин – разум и обман вместо любовной силы. Зефир – честь, даже когда крылья сломаны.

Они спасали друг друга. Иногда – от врагов. Иногда – от самих себя.

К концу Тома 1 стало ясно: это больше не путь одиночки. И это больше не просто охота на богов.

Мир начал отвечать.

Хеластрон слышал удары Молота. Беллакор превратил войну в промышленность. Си'ротто показал, что иллюзия может убивать не хуже клинка. А Ум'браал доказал: не всякая победа должна заканчиваться смертью.

Кай выковал доспехи. Но доспехи – не защита от последствий.

Во втором томе больше не будет обучения. Не будет проб и ошибок. Не будет времени думать, **а что если**.

Будет выбор. Будет ответственность. И будет момент, когда Молот придётся опустить – или ударить так, что мир уже не восстановится.

Если ты открыл эту книгу, значит, ты готов продолжить.

Наковальня разогрета. Металл ждёт.

И теперь вопрос не в том, **что** будет выковано, а **выдержит ли это сам Кузнец**.

Глава 29

Возвращение в Ущелье Гремящих Камней было не бегом, не полетом, а погружением в саму ткань теней. Новое знание, холодная и скользкая сила, вырванная у Ум'браала, пульсировала в Кае, как чуждый орган. Он не просто шел – он растворялся в одном пятне мрака под скалой и проявлялся из другого, за десятки ярдов ближе к цели. Путешествие сквозь астральную паутину теней отнимало силы, оставляя во рту привкус пепла и бесконечного холода, но экономило драгоценные минуты. Каждая тень теперь была дверью, каждое углубление в камне – потенциальным путем. Он чувствовал Люмин, ее серебристое сияние, слабое, но яростное, как маяк в крошечной тьме его новой способности. Чувствовал мощную, тревожную ауру Зефира, стоящего неподвижным стражем. И чувствовал Элару. Ее жизнь – тонкая, дрожащая нить, едва различимая на фоне всепоглощающей черной пустоты яда Ум'браала. Эта нить слабела с каждым мгновением.

Он материализовался из тени прямо у края их импровизированного лагеря. Воздух дрогнул, холодное эхо его перемещения прокатилось по ущелью. Зефир взревел, мгновенно развернувшись, готовый к атаке, его золотые глаза пылали в темноте. Люмин вскинула голову, аметистовые зрачки расширились от напряжения и надежды.

– Господин! – мысленный голос грифона был хриплым от натуги. – Вы... вернулись. Флакон? – Его взгляд упал на маленький черный сосуд, зажатый в руке Кая.

Кай кивнул, не тратя времени на слова. Он упал на колени рядом с Эларой. Она лежала там же, где он ее оставил, но хуже. Гораздо хуже. Серебристый кокон Люмин, обвинявший ее голову и грудь, был тонким, почти прозрачным. Сквозь него виднелись черные прожилки, которые не просто остановились – они расползлись. Лицо Элары было землистым, почти серым, губы посинели. Дыхание поверхностное, редкое, с хриплым подвыванием на вдохе. Сердцебиение под пальцем Кая было слабым, аритмичным, как барабанная дробь умирающего. Яд побеждал.

– Быстро, Кузнец! – мысленно крикнула Люмин, ее голос был нитью, готовой порваться. – Лунные нити рвутся... Я больше не могу удерживать его в ее душе... Физическое тело... оно отказывает...

Кай вытащил пробку из флакона. Внутри не было жидкости. Там переливалось, пульсировало светом – теплым, золотистым, как первый луч солнца после грозы, как смех ребенка, как сама суть надежды. Это была не субстанция, а сгусток чистой энергии – антитезис всему, что представлял собой Ум'браал.

– Как? – спросил он коротко, поднося флакон к губам Элары. Он боялся, что она не сможет проглотить, что этот свет просто рассеется.

– Не пить! – прошептала Люмин, подползая ближе. Ее тело тряслось от истощения. – В сердце! В самую рану! Выпусти свет прямо в скверну! Быстро!

Кай не колебался. Он осторожно, но решительно отдернул остатки серебристого кокona над чернеющей раной на боку Элары. Зрелище было ужасающим. Рана зияла, края ее почернели, как гнилое дерево, из глубины сочилась черная, вязкая субстанция, пахнувшая тленом и отчаянием. Даже воздух вокруг нее казался искаженным, холодным.

Он перевернул флакон над раной.

Золотистый свет хлынул наружу. Не потоком, а живым, пульсирующим сиянием, похожим на крошечное солнце. Он коснулся черной скверны.

Реакция была мгновенной и жестокой. Черная субстанция вскипела, зашипела, как вода на раскаленной сковородке. Из раны повалил густой черный дым, пахнувший горелой плотью и гнилью. Элара закричала – глухо, пронзительно, всем телом изогнувшись в немой агонии. Ее руки судорожно сжались, ногти впились в ладони до крови. Золотистый свет боролся с черным

дымом, проникая вглубь раны, выжигая яд, но процесс был мучительным. Казалось, сама ее плоть сопротивлялась очищению.

– Держи ее! – закричала Люмин мысленно Зефиру. – Не дай ей дернуться! Свет должен проникнуть глубоко!

Зефир опустил свою могучую голову, осторожно, но твердо прижал грудную клетку Элары к земле своими передними лапами. Его ворчание было сплошной мольбой, смешанной с болью от необходимости причинять ей дискомфорт. Кай не отрывал взгляда от раны, его рука с флаконом была неподвижна, как скала. Он чувствовал, как жар от золотистого света обжигает его кожу, но это был жар жизни, жар очищения.

Борьба длилась вечность. Черный дым редел. Шипение стихало. Черные прожилки на коже Элары начали бледнеть, как чернила под солнцем, медленно отступая от краев раны к ее центру. Сама рана менялась: почерневшие края розовели, черная сочащаяся масса исчезала, заменяясь чистой, алой кровью. Золотистый свет, выполнив свою работу, стал рассеиваться, как утренний туман, окутывая Элору теплым, успокаивающим сиянием.

Ее тело обмякло. Крик сменился тихим стоном. Дыхание выровнялось, стало глубже, чище, без страшного хрипа. Цвет вернулся к ее щекам, пусть и бледный, как лепестки лунного цветка. Черные прожилки исчезли полностью. Осталась только свежая, розовая рана, которая уже выглядела затягивающейся под действием ее собственной силы и остатков золотистого света.

Люмин издала долгий, дрожащий выдох и рухнула на бок, полностью обессиленная. Ее сияние погасло. Зефир осторожно убрал лапы, его золотые глаза смотрели на Элору с немой мольбой. Кай опустил пустой флакон. Его рука дрожала. Он прикоснулся пальцами к ее щеке. Кожа была теплой. Живой.

– Элара? – прошептал он, его голос сорвался. – Ты... ты слышишь меня?

Ее ресницы дрогнули. С трудом, как будто поднимая невероятный груз, она открыла глаза. Глаза цвета молодой листвы были туманными, полными боли и глубокой усталости, но в них светился разум. Жизнь. Она сфокусировала взгляд на его лице, на его глазах, полных немого вопроса и облегчения.

– Кай... – ее голос был тихим, хриплым, как шелест сухих листьев. – Ты... вернулся. – Ее губы дрогнули в попытке улыбнуться. – Больно... но... светлее. Гораздо светлее.

Она закрыла глаза снова, глубокий, исцеляющий сон немедленно накрыл ее. Но теперь это был сон восстановления, а не угасания.

Кай откинулся назад, прислонившись к холодному камню. Волна абсолютного истощения, смешанного с адреналином и запоздалым страхом, накатила на него. Он смотрел на ее спокойное, дышащее лицо, на свежую рану, которая уже выглядела как обычная, пусть и серьезная, травма. Яд был побежден. Она жива.

– Спасибо, – мысленно проговорил он, обращаясь и к Люмин, и к Зефиру. Слова казались пустыми перед лицом их преданности, их отчаянных усилий, но других не было. – Вы... вы спасли ее. Пока я...

– Ты принес лекарство, – перебила его Люмин слабым мысленным голосом, не открывая глаз. – И не стал монстром там, в логове Тени. Это главное. Теперь... теперь дайте мне поспать. Или я умру просто от усталости. – Она свернулась клубком, ее серебристая шерсть подрагивала.

Зефир опустил голову на лапы рядом с Элорой, его золотые глаза прищурились, но оставались бдительными. Его ворчание звучало как довольное урчание огромного кота.

Кай сидел, не в силах пошевелиться. Тень Ум'браала – не бывшего бога, а жалкого старика-калеку – мелькнула перед его внутренним взором. Чувство отвращения и... странного удовлетворения смешались. Он сдержал слово. Проявил милосердие. Не дал яду сомнения

войти в себя. Но цена? Новая сила внутри него, холодная и чужая, напоминала о цене. Она была инструментом, мощным, но опасным. Как и Молот.

Рассвет застал Ущелье Гремящих Камней тихим и усталым. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь разорванные тучи, золотили верхушки скал, но в глубине ущелья еще царил прохладный полумрак. Каменные големы Тер'ракс стояли неподвижно, их зеленые глаза-точки отражали утренний свет. Никакой угрозы от них не исходило. Перемирие, хрупкое, но реальное, все еще держалось.

Элара проснулась первой. Она открыла глаза, вдохнула полной грудью, поморщившись от боли в боку, но без той удушающей тяжести, что была раньше. Она повернула голову, увидела Кая. Он сидел рядом, спиной к камню, Молот лежал у его ног. Он не спал. Его глаза, раскаленные угольки, были прикрыты, но она чувствовала его бдительность, его ауру, сжатую и напряженную, как тетива лука. Раненый Зефир дремал, его крыло все еще было прижато, но дыхание ровное. Люмин спала глубоким сном восстановления, ее девять хвостов расслаблено раскинулись.

Элара осторожно приподнялась на локте. Боль в боку была острой, но терпимой. Ее золотисто-зеленое сияние, слабое, как первый росток, но неуклонное, вернулось, окутывая ее теплом. Она посмотрела на свежую рану – розовую, чистую, уже затягивающуюся тонкой пленкой новой кожи под действием ее силы. Память вернулась обрывками: черный клинок, адская боль, леденящий холод яда, сны, полные теней и шепота... и свет. Золотистый, теплый свет, изгнавший тьму.

– Кай, – прошептала она.

Он открыл глаза мгновенно. Взгляд острый, аналитический, сканирующий ее состояние. Увидев ее сидящей, ее сияние, чистоту раны, его лицо смягчилось. Глубокая складка напряжения между бровями разгладилась.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, его голос был низким, хрипловатым от усталости, но теплым. Он не бросился к ней, зная о боли от их близости.

– Живой, – она улыбнулась слабо. – Благодаря тебе. Благодаря всем. – Она кивнула в сторону спящих Люмин и Зефира. – Что... что случилось? С Ум'браалом? Я чувствовала... момент. Когда ты решал. Я чувствовала твою борьбу.

Кай взглянул на свои руки. Они были чистыми, но он все еще чувствовал на них холодную, скользкую субстанцию тени, силу, которую он поглотил.

– Он жив, – сказал Кай. – Но не бог. Я... лишил его силы. Перековал связь. Сделал смертным. Калекой. Как ты просила. – Он встретил ее взгляд. – Это было... трудно. Очень. Ярость требовала уничтожить его. Но я помнил твои слова. Помнил твою веру.

Элара протянула руку, не касаясь его, ладонью вверх.

– Ты сделал правильный выбор, Кай. Ты доказал... что ты больше, чем Молот. Больше, чем разрушение. Ты выковал нечто новое. Не смерть, а... справедливость. Пусть и жестокую.

– Справедливость? – Кай усмехнулся, звук был горьким. – Он страдает. Без силы. Без царства. В теле старика-калеки. Может, смерть была бы милосерднее?

– Милосердие не всегда комфортно, – тихо ответила Элара. – Иногда оно – это дать шанс осознать свою ошибку. Прожить последствия. Пусть даже в страдании. Ты дал ему этот шанс. Не убил. Не опустился до его уровня. Это и есть сила, Кай. Сила духа.

Они замолчали. Утренний свет крепчал, пробиваясь глубже в ущелье, играя на серебристой шерсти Люмин, на бронзово-золотистых перьях Зефира. Воздух был свежим, пахнущим камнем и влагой после ночи. Жизнь, хрупкая и упорная, возвращалась в этот уголок мира.

– Тебе нужно восстановиться, – сказал Кай, нарушая тишину. – Зефиру тоже. Мы не можем долго оставаться здесь. Хеластрон знает о нас. Ум'браал... его падение вызовет волну. Другие боги придут. Или его агенты.

Элара кивнула, осторожно касаясь пальцами края своей раны.

– Моя сила вернется. Быстрее, теперь, когда яд ушел. Но на полное исцеление... дни. Зефир... – Она посмотрела на грифона. Его крыло было неподвижно, рана под старой повязкой, которую наложила Люмин, выглядела заживающей, но медленно. – Он не полетит. Неделю. Может, больше.

– Значит, идем пешком, – заключил Кай. – К Рунным Пустошам. К Ай'луну. Он наш единственный шанс узнать слабость Хеластрона. Другого пути нет. – Он встал, потянулся, его кости затрещали. – Отдыхайте. Я осмотрю окрестности. Убедимся, что тропа чиста. И... попробую раздобыть еды.

Он взял Молот, его тень, удлинённая утренним солнцем, легла на камни. В этой тени Кай почувствовал странный резонанс. Его новая сила отозвалась. Он мог бы раствориться в ней, исчезнуть, проверить окрестности без риска быть замеченным. Но он сдержал порыв. Эта сила была опасной, скользкой. Ее нужно было контролировать. Обуздать. Как и огонь Игнариуса. Он выбрал старый способ – ноги, зрение, бдительность.

День прошел в относительном покое. Кай вернулся с дичью – парой горных кроликов, подстреленных точным лучом плазмы. Он развел небольшой, почти бездымный огонь, закопал тушки в угли. Запах жареного мяса разбудил Люмин. Она проснулась голодной и раздраженной, но увидев Элору сидящей и даже слабо улыбающейся, ее настроение улучшилось. Она тут же принялась колоть Кая саркастическими замечаниями по поводу его кулинарных навыков, но ела с аппетитом. Зефир с достоинством принял свою долю. Элора ела мало, но с видимым усилием, понимая необходимость восстановления сил.

Кай молчал. Он наблюдал. За Элорой, за ее медленным, но верным возвращением к жизни. За Люмин, чья хитрая, неугомонная натура быстро брала верх над усталостью. За Зефиром, который пытался осторожно шевелить крылом и ворчал от боли и досады. Он чувствовал новую силу внутри – холодную, наблюдательную, как сама тень. Он мог бы с ее помощью "прислушаться" к их мыслям, к их эмоциям. Но он не стал. Это было бы предательством. Предательством их доверия. Его искры. Он держал эту силу взаперти, как опасного зверя.

Вечером, когда солнце скрылось за гребнями скал, окрасив небо в кроваво-багровые тона, они собрались у тлеющих угольков. Решение было принято. На рассвете – в путь. На юг. К Рунным Пустошам. Пешком. Осторожно. Скрытно.

– Люмин, – сказал Кай, обращаясь к лисе, которая вылизывала свою серебристую шерсть. – Твои иллюзии. Маскировка. Сможешь скрывать нашу группу? Хотя бы частично? От глаз в небе? От следопытов?

Люмин подняла голову, ее аметистовые глаза сверкнули.

– От следопытов – запросто. Следы, запахи – сделаю невидимыми или запутанными. От глаз в небе... – она нахмурилась. – Сложнее. Нужна постоянная концентрация. И энергия. Особенно если это не просто птицы, а магические шпионы или сами боги. Но попробую. Создам иллюзию камней, кустов, пустоты вокруг нас. Но это не абсолют. Сильный маг или бог может почуять искажение.

– Делай, что можешь, – кивнул Кай. – Зефир, ты – наши глаза и уши на земле. Твое чутье, твое знание местности. Веди нас самой безопасной тропой. Избегай открытых пространств.

Зефир гордо кивнул, издав короткий, уверенный клекот.

– Элора, – Кай повернулся к ней. Она сидела, прислонившись к скале, ее лицо все еще было бледным, но глаза светились решимостью. – Твой шаг. Не торопись. Сохраняй силы. Если что... – он запнулся. – Если что, скажи. Мы остановимся.

– Я справлюсь, Кай, – она улыбнулась. – Я Богиня Жизни. Я умею восстанавливаться. И у меня есть... стимул. – Ее взгляд скользнул по его лицу, теплый и благодарный.

Они распределили легкий груз – остатки еды, воду, перевязочные материалы для Элоры и Зефира. Молот Кай нес сам. Его вес был привычным утешением, напоминанием о силе, но и об ответственности.

Рассвет второго дня застал их уже в пути. Они покинули Ущелье Гремящих Камней, оставив каменных стражей Тер'ракс позади. Тропа вела вниз, в предгорья, покрытые редким, колючим кустарником и выжженной солнцем травой. Воздух стал суше, горячее. Пейзаж менялся, становясь более пустынным, суровым.

Люмин шла впереди, ее серебристая шерсть почти сливалась с утренней дымкой. Время от времени она замирала, ее хвосты вздрагивали, аметистовые глаза теряли фокус. Вокруг группы воздух слегка мерцал, искажаясь. Кай чувствовал легкое давление на сознание – ее иллюзии в работе. Для постороннего взгляда они, вероятно, выглядели как группа скал или пучок выжженного бурьяна.

Зефир шел рядом с Эларой, его могучая голова опущена, золотые глаза постоянно сканировали горизонт, уши ловили каждый звук. Он двигался осторожно, стараясь не тревожить свое больное крыло, но его присутствие было грозным и успокаивающим. Элара шла медленно, но уверенно. Ее золотисто-зеленое сияние было слабым, но постоянным, окутывая ее как защитный кокон, ускоряя заживление раны. Лицо ее было сосредоточенным, на лбу выступили капельки пота от усилия.

Кай замыкал шествие. Его чувства были обострены до предела. Видение "Изъянов" сканировало местность автоматически, ища засады, ловушки, слабые места в грунте. Его новая, холодная сила теней тоже была настороже, как шестое чувство, улавливающее малейшее движение в тенях под кустами, малейшую попытку слежки. Но пока было тихо. Слишком тихо.

К полудню жара стала невыносимой. Солнце палило безжалостно, выжигая последние следы влаги из воздуха. Камни под ногами раскалились. Даже Зефир тяжело дышал, высунув язык. Элара побледнела, ее шаги замедлились. Силы покидали ее.

– Остановимся, – решил Кай, указывая на редкую тень под нависающей скалой. – Переждем зной.

Они укрылись в тени. Элара сразу опустилась на землю, закрыв глаза, ее грудь тяжело вздымалась. Люмин легла рядом, язык свисал, ее иллюзии ослабли, мерцая неровно. Зефир опустился на брюхо, его крыло было неподвижно. Кай достал флягу с водой, подал сначала Эларе, потом другим. Воды было мало. Очень мало. Источников поблизости не было видно.

– Где мы? – спросила Элара, отпив глоток и передавая флягу Люмин.

– Предгорья Мрачных Гор, – ответил Зефир мысленно, его "голос" звучал устало. – Скоро начнутся Пески Забвения. До Рунных Пустошей... еще дней пять пешком. В этом темпе.

– Пески... – Люмин фыркнула, вытирая морду. – Значит, Си'ротто где-то рядом. Бог Пустынь обожает такие места. И обожает играть с путниками.

– Си'ротто, – Кай нахмурился. Он вспомнил их предыдущую встречу – мираж оазиса-ловушки, песчаные черви, иссушающий зной. Бог был коварен, терпелив, как сама пустыня. И у него были причины ненавидеть Кая. – Он будет мстить. После прошлого раза.

– Он будет выжидать, – поправила Люмин. – Как скорпион под камнем. Искать момент слабости. А у нас, – она кивнула на Элара и Зефира, – слабости хватает.

– Значит, будем начеку, – сказал Кай. Его новая способность ощущать тени могла пригодиться против мастера миражей. Но он не был уверен. Сила Си'ротто была другой – обман восприятия, жажда, песок.

Они отдохнули пару часов, пока солнце не начало клониться к западу. Жара спала незначительно, но идти стало чуть легче. Тропа вела их все ниже, в широкую, плоскую долину, покрытую не травой, а жесткой, серой, потрескавшейся землей. Воздух дрожал от марева. Вдалеке замерцала полоска песка – начало настоящей пустыни.

Люмин усилила иллюзии. Теперь они выглядели как небольшой смерч пыли, медленно движущийся по равнине – обычное явление в этих местах, не привлекающее внимания. Но Кай чувствовал ее напряжение. Поддержание такой иллюзии на открытом пространстве требовало огромных затрат.

Они шли молча, экономя силы. Элара шагала, стиснув зубы, ее рука иногда непроизвольно тянулась к боку. Зефир выбивался из сил, его мощные лапы оставляли глубокие отпечатки в потрескавшейся земле. Кай нес не только Молот, но и часть груза Элары.

Именно в этот момент, когда солнце висело низко над горизонтом, окрашивая пески в кроваво-золотые тона, а усталость достигла предела, Си'ротто нанес удар.

Не громом, не землетрясением. Иллюзией.

Один миг – перед ними была бескрайняя серая равнина, уходящая к дюнам на горизонте. Следующий миг – прямо на их пути расцвел оазис. Не просто группа чахлах пальм. Роскошный, невозможный в этой выжженной земле оазис. Изумрудная зелень густой травы, высокие, раскидистые пальмы, тяжелые гроздья фиников, свисающие почти до земли. А в центре – кристально чистое озеро, его вода искрилась в лучах заходящего солнца, обещая прохладу, утоление жажды, отдых.

Соблазн был невероятным. После долгого перехода под палящим солнцем, в пыли, с минимумом воды, вид прохладной воды и тени был как бальзам для души. Даже Кай на мгновение замедлил шаг, его пересохшее горло сжалось. Он услышал сдавленный вздох Элары, увидел, как Зефир невольно потянулся головой к манящей воде. Люмин замерла, ее аметистовые глаза сузились до щелочек.

– Не двигаться! – мысленно крикнула она, ее голос был резким, как удар кинжала. – Это иллюзия! Мираж! Си'ротто! Он здесь!

Но было поздно. Иллюзия была слишком совершенной, слишком желанной. И она уже работала.

Земля под ногами Элары внезапно перестала быть твердой. Она превратилась в зыбучий песок. Серый, мелкий, бездонный. Элара вскрикнула, почувствовав, как ее ноги мгновенно уходят вглубь по колено. Она инстинктивно рванулась вперед, к "твердой" земле оазиса, но это только ускорило погружение. Песок уже был выше колен, холодный и неумолимый.

– Элара! – Кай рванулся к ней, забыв об осторожности. Но Люмин прыгнула ему навстречу, толкнув грудью.

– Стой! – зашипела она. – Это ловушка! Вся "твердая" земля вокруг – зыбучий песок! Он хочет затянуть нас всех!

Кай остановился на краю зыбучей трясины, куда уже по грудь погрузилась Элара. Она боролась, но каждое движение затягивало ее глубже. Ее глаза были полны паники, но она старалась не дергаться, следуя инстинкту.

– Держись! – крикнул Кай. Он огляделся. Нужна была опора. Шест. Вербка. Но вокруг – только выжженная равнина да манящий, обманчивый оазис. Зефир пытался подойти ближе, но его вес заставлял песок под ним проседать, грозя поглотить и его.

– Люмин! Иллюзии! Создай твердую поверхность! – приказал Кай.

Люмин сосредоточилась. Воздух над зыбучим песком вокруг Элары задрожал. Появилась иллюзия каменной плиты. Но как только Элара попыталась опереться на нее рукой, ее пальцы прошли сквозь мираж, и она погрузилась глубже, песок уже был у нее под грудью.

– Не работает! – прошипела Люмин, ее голос срывался от отчаяния. – Песок реальный! Иллюзия не может создать физическую опору! Нужно что-то настоящее!

Кай сжал Молот. Идея пришла мгновенно, отчаянная, требующая невероятной точности и силы. Он вспомнил свою способность изменять материю. Кратковременно. В небольшой области. Но здесь и сейчас...

Он поднял Молот, прицелился не в песок, а в пространство *рядом* с Эларой, в ту самую "твердую" землю, которая была частью иллюзии, но на самом деле тоже зыбучим песком. Он сосредоточил всю свою волю, всю мощь Игнариуса, всю ярость за попытку погубить Элару снова.

– Держись! – крикнул он ей. – Не шевелись!

Молот обрушился вниз. Не с оглушительным грохотом, а с резким, сфокусированным ударом. Багровый свет ударил по земле, не взрывая ее, а изменяя. На мгновение – очень короткое мгновение – свойства материала в точке удара изменились. Текучий, зыбучий песок стал твердым. Хрупким, как стекло, но твердым.

– Сейчас! – закричал Кай.

Элара, поняв его замысел, оттолкнулась от погруженных в песок ног и бросилась вперед, на участок, где песок под ударом Молота превратился в твердую, стеклянную корку. Она упала на нее, почувствовав, как хрупкая поверхность трещит под ее весом, но выдержала. Она откатилась на безопасный, настоящий твердый грунт, задыхаясь, вся в песке, но живая.

В тот же миг стеклянная корка рассыпалась, снова превратившись в зыбучий песок. Иллюзия оазиса дрогнула и исчезла, как мыльный пузырь. Вместо него перед ними снова лежала выжженная равнина, а на месте "озера" зияла огромная воронка зыбучего песка, готовая поглотить следующую жертву.

Из песка перед ними, медленно, как рождаясь из самой пустыни, поднялась фигура. Высокая, сухопарая, почти бесплотная. Одежда цвета пыли сливалась с песком. Лицо скрывал капюшон, но из его глубины светились два глаза – не зрачки, а мерцающие, как горячий воздух над дюнами, миражи. Си'ротто. Бог Пустынь. Его тонкие губы растянулись в улыбке, полной холодного торжества и обещания долгой, мучительной мести.

– Очень ловко, Кузнец, – его голос был шелестом песка по камню, сухим и проникающим. – Стекло из песка. Неожиданно. Но игра только начинается. Добро пожаловать... в мою пустыню. – Он поднял руку, и песок вокруг него зашевелился, принимая формы огромных, скользких песчаных червей. – Надеюсь, вы испытываете жажду.

Глава 30

Песок Си'ротто остывал под их ногами, превращаясь из раскаленной пыли в холодную, колкую субстанцию, впивавшуюся в кожу. Фигура Бога Пустынь растворилась вместе с последними миражами, оставив после себя лишь звенящую тишину и горечь победы, отравленную потерей воды и сил. Воронка зыбучего песка, что едва не поглотила Элару, замерла, как зияющая рана на теле выжженной равнины. Воздух, еще недавно дрожащий от жары и обмана, теперь был неподвижен и тяжел, пропитан запахом горелого песка и усталости.

Кай стоял на краю воронки, кулаки сжаты до хруста костяшек. Молот в его руке казался невероятно тяжелым, не физически, а грузом только что поглощенной силы. Сила Си'ротто – иллюзии, зной, иссушающая пустота – пульсировала внутри него холодной, чуждой волной, смешиваясь с уже накопленным коктейлем из льда, воды, металла, теней, ярости. Его кожа горела, глаза, как раскаленные угли, выискивали в пустыне новые угрозы, но видели лишь бескрайнюю, мертвую серость. Горечь от собственной уязвимости, от того, что Элару снова оказалась на волосок от гибели, жгла сильнее солнца. Он сдержал рев, который рвался из груди, превратив его в низкое, хриплое рычание, заставившее вздрогнуть даже Зефира.

Элара сидела на твердом, потрескавшемся грунте в нескольких шагах от края гибели. Она дышала прерывисто, одной рукой прижимаясь к боку, где под запыленными остатками повязки зияла свежая, но уже розовеющая рана – напоминание о борьбе с ядом Ум'браала и недавнем падении. Песок покрывал ее платье и волосы серой пылью, делая лицо еще бледнее. Ее золотисто-зеленое сияние, обычно такое теплое и живое, было слабым, как огонек свечи на ветру, едва пробивающимся сквозь налет усталости и боли. Но глаза, цвета молодой листвы, смотрели на Кая не с упреком, а с пониманием и... тревогой. Она видела, как новая сила – сила обмана и пустыни – оседала на нем, как ядовитая пыль.

Люмин лежала рядом, свернувшись клубком, ее серебристая шерсть потеряла блеск, слиплась от песка. Девять хвостов были безвольно раскинуты. Она тяжело дышала, язык свисал. Поддержание иллюзий под палящим солнцем, а затем попытка противостоять совершенным миражам Си'ротто истощили ее до предела. Ее аметистовые глаза, обычно такие острые и насмешливые, были тусклыми, полуприкрытыми.

Зефир стоял чуть поодаль, как грозный, но израненный страж. Его мощное тело, покрытое бронзово-золотистыми перьями, казалось меньше, придавлено невидимым грузом. Большое крыло было неестественно прижато к боку, рана под старой повязкой Люмин, наложенной еще в Ущелье Гремящих Камней, напоминала о себе тупой, ноющей болью при каждом движении. Золотые глаза грифона, лишённые привычного огня, смотрели на группу с немой тревогой и усталостью. Его клекот, когда он попытался предупредить об опасности миража, сорвался на хрип. Он не мог летать. Он едва мог эффективно сражаться. Его гордость была ранена не меньше тела.

– Воды... – прошептала Элара, ее голос был сухим, как пергамент. Она протянула руку к пустой фляге, валявшейся рядом.

Кай вздрогнул, словно очнувшись. Он резко разжал кулаки, заставив суставы хрустнуть. Его взгляд упал на флягу, затем на лица спутников – изможденные, покрытые пылью, полные немого вопроса «Что дальше?». Ярость медленно отступала, сменяясь ледяной, расчетливой решимостью. Он не мог позволить им умереть здесь, в этой богом забытой пустоши. Не после всего, что они прошли. Не после того, как Элара выжила. Он ковач. Он создавал решения.

– Ждите, – его голос прозвучал резко, как удар молота по наковальне. Он схватил пустую флягу и Молот. – Не двигайтесь.

Он отступил на шаг от края воронки, поднял Молот. Сила Си'ротто, холодная и скользкая, отозвалась внутри него. Он сконцентрировался не на разрушении, а на изменении. На

поиске «изъяна» в самой реальности здесь и сейчас. Его Видение сканировало иссушенную землю, песок, воздух. Где-то глубоко под слоями раскаленного камня и песка... там. Слабый, дрожащий след влаги. Остаток древнего подземного потока, иссушенного веками или самим Си'ротто. Микроскопический изъян в абсолютной сухости.

Молот обрушился вниз. Удар был не оглушительным, а сфокусированным, вибрирующим. Багровый свет, пронизанный холодными синими прожилками поглощенной воды Кел'Торна, ударил в точку перед ним. Земля не взорвалась. Она задрожала, и на месте удара возник небольшой фонтанчик. Не воды, а густого, мутного пара, быстро конденсирующегося в жидкость под воздействием силы Кая, изменяющей свойства воздуха и почвы на краткий миг. Вода была теплой, с привкусом минералов и песка, но это была вода. Она была слабой струйкой, заполняя углубление, выбитое ударом.

Кай подставил флягу. Звук наполняющейся воды был громче любого грома в этой тишине. Он наполнил флягу до краев, затем снова ударил Молотом, заставив источник бить чуть сильнее. Он подозвал Зефира, и грифон, преодолевая боль, подошел, опустив могучую голову к живительной влаге. Кай полил воду на спину Люмин, смывая с ее шерсти песок и охлаждая перегретое тело. Лиса слабо зашипела, но не сопротивлялась, жадно ловя капли языком.

Затем он поднес флягу к Эларе. Она взяла ее дрожащими руками, сделала несколько осторожных глотков. Цвет вернулся к ее щекам, пусть и ненадолго. Она посмотрела на Кая, ее глаза выражали благодарность и что-то еще – понимание цены, которую он заплатил за эту воду. Сила Си'ротто, только что поглощенная, уже использовалась, вплетаясь в его арсенал, меняя его изнутри.

– Спасибо, – прошептала она.

– Не благодари, – отрезал Кай, отворачиваясь. Его голос был жестким. – Это необходимость. Пейте все. Воды хватит ненадолго.

Он отошел в сторону, давая им напиться, и уставился на юг, туда, где серые предгорья сменялись зловещим багровым заревом на горизонте. Там лежала Цитадель Вечной Бойни. Логово Беллакора. Источник бесконечных войн, страданий и рабства. И их следующая цель. Мысль о штурме этой твердыни с израненным грифоном, истощенной лисой и ослабевшей богиней казалась безумием. Но другого пути не было. Ай'лун был их последней надеждой узнать слабость Хеластрона, а Рунные Пустоши, где он скрывался, лежали далеко за владениями Бога Войны. Обойти цитадель было невозможно – Беллакор контролировал все проходы, его лазутчики рыскали повсюду. Да и Хеластрон уже знал об их направлении. Засады будут множиться.

Кай сжал рукоять Молота. Обычный металл казался прохладным под его раскаленной ладонью. Инструмент. Оружие. Его сила была в ковке. В создании. В изменении. Он смотрел на Элору, осторожно передававшую флягу Люмин, на Зефира, с достоинством принимавшего свою долю влаги, на Лунную Лису, пытавшуюся вылизать песок из своей шерсти. Они были его якорем. Его искрами человечности в бушующем море божественной мощи и ярости. Но они же были его уязвимостью. Слабым звеном, которое враги – боги, Хеластрон, Беллакор – будут безжалостно эксплуатировать.

Старый способ – идти напролом, полагаясь на грубую силу Молота – больше не работал. Си'ротто доказал это. Нужно было ковать новую стратегию. Новые инструменты. Нужно было стать не просто разрушителем, а... кузнецом победы. Творцом, переплавляющим угрозу в защиту, слабость в силу.

– Мы идем туда, – Кай указал Молотом на багровое зарево. Голос его был низким, но неоспоримым, как удар колокола. – К Цитадели Беллакора.

Элара вздрогнула, подняла на него глаза, полные тревоги. Люмин приподняла голову, ее аметистовый взгляд стал чуть острее. Зефир издал короткий, хриплый клекот – не вопрос, а подтверждение. Они знали. Они понимали неизбежность.

– Но мы не пойдем туда такими, – продолжил Кай, обводя их взглядом. Его глаза горели уже не только яростью, но и холодным пламенем расчета. – Беллакор – Бог Войны. Его цитадель – клубок ярости, стали и крови. Его сила – в неистовстве, в раздоре, в сокрушении прямой силой. Мы не победим его, играя по его правилам. Зефир не полетит. Люмин истощена. Ты... – он посмотрел на Элору, – еще не восстановилась. А я... – он взглянул на Молот, – не могу быть везде одновременно. Не могу защитить всех.

Он сделал паузу, давая словам осесть. Пустынный ветер, поднявшийся снова, завывал в ушах, словно насмехаясь над их шансами.

– Значит, мы меняем правила, – заключил Кай. – Мы готовимся. Мы куем нашу победу заранее. Люмин, твои иллюзии – наш щит от глаз в небе и следопытов. Максимальная осторожность. Зефир, ты – наши глаза и уши на земле. Знание местности, чутье. Веди нас самой скрытной тропой, избегая открытых пространств. Элора, – его голос смягчился, когда он обратился к ней, – сохраняй силы. Твое исцеление, твоя связь с жизнью... она понадобится позже. Внутри цитадели. Для тех, кто там томится.

Он увидел вопрос в ее глазах: «А ты?»

– Я займусь главным, – сказал Кай, поднимая Молот. В его глазах вспыхнуло знакомое пламя творчества, смешанное с железной решимостью. – Я кузнец. И перед битвой кузнец готовит оружие и доспехи. Я выковал этот Молот в инструмент мести. Теперь я выкую для нас доспехи. Не просто защиту от ударов. Доспехи, которые изменят баланс сил. «Пламя Возмездия» – это будет не только название. Это будет наша новая сила.

Идея, родившаяся в его сознании под палящим солнцем пустыни, оформилась в четкий, дерзкий план. Он поглотил силу множества богов: холод Фро'стаара, манипуляцию материей Фер'рокса, иллюзии Сом'рааша и Си'ротто, ярость Вер'дака, воду и шторма Кел'Торна, яд Вайт'ракса, свет и гордыню Зин'таара, тени и обман Ум'браала, твердь Тер'ракс. Каждая сила была инструментом, опасным и необузданным. Но что, если сплести их вместе? Не просто использовать по отдельности, а выковать в единое целое? В доспехи, усиливающие не только его, но и его союзников? В символ их единства и новой тактики?

Это был риск. Безумный риск. Силы конфликтовали по своей сути. Огонь и лед. Свет и тени. Жизнь и яд. Попытка сплавить их могла обернуться катастрофой – взрывом, мутацией, безумием. Но Кай чувствовал глубинную связь с Молотом, с самой сутью творения и изменения. Он видел «изъяны» не только в броне врагов, но и в самой структуре поглощенных сил – точки напряжения, где их можно было сшить, переплавить, подчинить единой воле. Воле защитить. Воле победить не через слепое разрушение, а через превосходство, рожденное искусством кузнеца.

– Доспехи? – переспросила Люмин, с трудом поднимаясь на лапы. Ее голос был хриплым, но в нем проснулся искорка любопытства. – Из чего? Здесь только песок да камни. Или ты собираешься выковать их из воздуха и злости Беллакора?

– Из того, что есть, – ответил Кай, оглядываясь вокруг. Его взгляд упал на каменистый выступ неподалеку, на темные, почти черные базальтовые глыбы, выступающие из песка. Прочный, вулканический камень. Хорошая основа. – И из того, что во мне. Но мне нужна твоя помощь, Лунная Лиса. И твоя, Элора.

Он объяснил замысел кратко, жестко. Основа – базальт, усиленный его волей и силой Молота. Каркас. Но в эту основу он вплетет поглощенные силы, как кузнец вплавляет разные металлы в дамасскую сталь. Холод Фро'стаара для отражения жары и пламени. Иллюзии Сом'рааша и Си'ротто для маскировки и запутывания врага. Твердь Тер'ракс для непробиваемости. Воду Кел'Торна как буфер против ударов и источник скрытой влаги в засушливой крепости. Даже яд Вайт'ракса – не как убийственное оружие, а как защиту, отравляющую любое оружие, пытающееся пробить доспехи. И главное – он попытается вплести искру жизни Элоры, ее силу возрождения, чтобы доспехи могли «залечивать» мелкие повреждения сами, поддер-

живая носителя. Это была самая опасная часть – соединить разрушительную силу Игнариуса с животворящей энергией Элары в материальном объекте.

Люмин слушала, ее уши наострились, аметистовые глаза сверкали все ярче, несмотря на усталость. Хитрость и мудрость лисы видели потенциал, но и бездну риска.

– Ты хочешь, чтобы я стабилизировала иллюзии? Чтобы они не разорвали конструкцию изнутри? И чтобы... добавить слой лунного света? Для связи? Для отражения ментальных атак?

– Да, – кивнул Кай. – Твои иллюзии – клей. Лунный свет – защита разума. Без этого сплав разлетится.

Элара смотрела на него с глубокой серьезностью.

– Моя сила... она конфликтует с твоей огненной сутью, Кай. Вплести ее в металл, в доспехи... это больно. Для меня. Для доспехов. И непредсказуемо.

– Знаю, – сказал Кай, встречая ее взгляд. В его глазах не было прежней отстраненности, только понимание и просьба. – Но ты видела, как мы работали вместе у Древа Жизни. Это возможно. Я не буду форсировать. Только искру. Только основу. Чтобы доспехи дышали. Чтобы помнили о жизни, а не только о смерти. Чтобы защищали, а не только убивали.

Молчание повисло тяжелее пустынного зноя. Элара закрыла глаза, словно прислушиваясь к своим силам, к боли в боку, к усталости. Затем открыла. В них была решимость.

– Я попробую. Но только искру. И только если ты будешь контролировать пламя Игнариуса. Полностью.

– Договорились, – Кай повернулся к базальтовому выступу. – Зефир, охрана. Люмин, Элара – готовьтесь. Работа начинается.

Он подошел к темным, шершавым глыбам. Положил на одну из них ладонь. Базальт был горячим от солнца, но под его прикосновением он словно ожил, слабо загудев. Кай ощутил его структуру – плотную, пористую, пропитанную древним огнем земли. Хороший материал. Прочный. Вместительный. Он поднял Молот. Не для разрушения. Для освобождения формы, скрытой внутри камня.

Первый удар. Не громовой, а точный, резонирующий. Багровый свет Молота ударил в камень. Не раскалывая его, а заставляя вибрировать на фундаментальном уровне. Камень затрещал, по нему побежали тонкие, светящиеся трещины. Кай бил снова и снова, ритмично, как кузнец, бьющий по раскаленной заготовке. Но вместо наковальни был камень, а вместо металла – сама материя, подчиняющаяся его воле. Он не вырубал куски, а перестраивал, перераспределял массу. Из бесформенной глыбы начали проступать очертания. Сначала массивная грудная пластина, затем наплечники, набедренники. Грубая, угловатая форма, как у древнего доспеха титана.

Пот заливал лицо Кая, мышцы горели от напряжения. Изменение материи, особенно в таком объеме и с такой точностью, высасывало силы невероятно. Он чувствовал, как энергия уходит в камень, заставляя его течь, как глину, под ударами Молота. Воздух вокруг загустел от жара и концентрации силы. Камни под ногами начали слабо светиться.

– Люмин! – крикнул Кай, не прерывая ударов. – Иллюзии! Маскируй энергетический всплеск! От всего и всех!

Лунная Лисица встряхнулась, как бы сбрасывая остатки усталости. Она встала на лапы, ее девять хвостов распушились, замерли, а затем начали медленно, гипнотически раскачиваться. Аметистовые глаза зажглись холодным лунным светом. Воздух вокруг базальтовой скалы и Кая заколебался, замерцал. Образ скалы дрогнул, словно его рассматривали сквозь толщу горячего воздуха, а затем и вовсе растворился. Вместо него возникло обманчиво спокойное изображение пустынного пейзажа – дюны, редкие камни, ни намек на кузнеца или его работу. Даже звук ударов Молота стал приглушенным, далеким, сливающимся с завыванием ветра. Люмин

работала на пределе, ее тело напряглось до дрожи, но иллюзия держалась, скрывая их от любопытных или враждебных взоров.

Основная форма доспеха была готова. Грубая, монументальная, черная, как ночь. Кай опустил Молот, переводя дух. Его грудь тяжело вздымалась. Первый этап завершен. Теперь самое сложное – вплетение сил.

Он закрыл глаза, обращаясь внутрь себя. К хаотичному вихрю поглощенных божественных сущностей. Холод Фро'стаара, звенящий ледяной пустотой. Иллюзии Сом'рааша и Си'ротто – скользкие, изменчивые, как ртуть. Твердь Тер'ракс – непоколебимая, тяжелая. Вода Кел'Торна – глубокая, мощная, неукротимая. Яд Вайт'ракса – едкий, разъедающий. Свет Зин'таара – ослепительный, надменный. Тени Ум'браала – тихие, всепроникающие. Ярость Вер'дака – первобытная, кипящая. Каждая сила рвалась наружу, каждая требовала доминирования. Его собственная суть – огонь Игнариуса, неумолимый прогресс через переплавку – бушевала в ответ.

Контроль. Точность. Воля. Кай сосредоточился, как никогда раньше. Он не подавлял силы, а находил их «изъяны» – точки соприкосновения, слабые места в их изоляции, где их можно было соединить. Как кузнец находит трещину в металле, чтобы вбить туда клин более твердой стали. Он поднял Молот снова, но теперь удар был иным. Не физическим, а энергетическим. Вибрирующим, резонирующим на частоте выбранной силы.

Первой он взял твердь Тер'ракс. Силу непоколебимой земли. Молот обрушился на грудную пластину. Багровый свет смешался с глубоким, терракотовым свечением. Камень под ударами не раскалывался, а уплотнялся, его кристаллическая решетка перестраивалась, становясь прочнее алмаза. Доспех загудел, как натянутая струна, но выдержал. Твердь легла основой, скелетом защиты.

Затем – холод Фро'стаара. Синий, пронизывающий свет ударил в наплечники. Базальт покрылся инеем, потрескивая, но не ломаясь. Кай вплетал холод не как разрушительную силу, а как слой абсорбции, рассеивающий тепло, гасящий пламя. Доспех приобрел синеватый отлив, от него потянуло морозным дыханием.

– Люмин! Свет! Теперь! – скомандовал Кай, чувствуя, как иллюзии внутри него пытаются вырваться наружу, нарушая структуру.

Лиса сжалась, ее хвосты взметнулись вверх. Лунный свет, холодный и чистый, ударил в набедренники. Одновременно Кай выпустил силу иллюзий Сом'рааша и Си'ротто. Скользкие, переливающиеся волны встретились с лунным светом Люмин. Произошла короткая, яростная борьба – хаос иллюзий против стабилизирующей лунной магии. Воздух зашипел, замерцал радужными разводами. Но Люмин, стиснув зубы, удержала контроль. Ее лунный свет стал матрицей, каркасом, в который вплавились иллюзии. Они не исчезли, а стали управляемыми, как краски на полотне художника. Доспехи на мгновение стали полупрозрачными, затем покрылись хамелеоньей рябью, сливаясь с песком, потом с камнем, потом с воздухом. Слой активной маскировки был готов.

Кай перевел дух. Пот струился по его лицу, смешиваясь с пылью. Половина работы сделана. Самое страшное впереди. Он посмотрел на Элору. Она уже стояла, опираясь на посох из высохшего саксаула, который Кай выковал для нее минутой раньше. Ее лицо было сосредоточенным, бледным, но сияние вокруг нее стало чуть ярче. Она кивнула, готовая.

– Вода и Жизнь, – сказал Кай, обращаясь к ней и к силе Кел'Торна внутри себя. – Буфер. Исцеление.

Он поднял Молот над шлемом, который пока был лишь намеком формы на макушке грудной пластины. Элора протянула руки, ладонями к доспеху. Из ее ладоней потянулись тончайшие нити золотисто-зеленого света, нежные, как паутина, но несущие невероятную концентрацию жизненной силы. Одновременно Кай высвободил силу воды Кел'Торна – не бурлящий поток, а глубинную, спокойную мощь океана. Бирюзовый свет смешался с золотисто-зеленым.

В момент их соприкосновения с черным базальтом доспеха раздался шипящий звук, как от раскаленного металла, опущенного в воду. Черный камень покрылся сетью тончайших золотых и бирюзовых прожилок. Кай почувствовал жгучую боль – конфликт огня Игнариуса и жизни Элары был мучителен даже через посредника-доспех. Элара вскрикнула, но не отдернула рук. Ее сияние померкло, лицо исказилось от боли. Кай стиснул зубы, сжимая рукоять Молота до боли в костяшках. Он сфокусировал всю свою волю на контроле, на гашении разрушительного импульса своей сути, на том, чтобы позволить силам воды и жизни впитаться в камень, стать его частью, а не сжечь его. Он «ковал» не ударом, а невероятным усилием сдерживания и направления.

Постепенно шипение стихло. Боль отступила, сменившись странным, пульсирующим теплом. Золотые и бирюзовые прожилки остались, слабо светясь изнутри базальта, как вены живого камня. Доспехи обрели скрытую упругость, способность гасить ударные волны, и главное – слабую, но ощутимую ауру регенерации. Искра жизни Элары пульсировала в металле.

– Держись, – прошептал Кай Эларе. Она кивнула, едва держась на ногах, но сияние в ее глазах говорило, что она чувствует связь с доспехом. Это работало.

Теперь яд. Кай обратился к темной, едкой силе Вайт'ракса. Не для убийства. Для защиты. Он сконцентрировал ее в острие Молота и легким, точным ударом, как гравер, нанес микроскопические насечки на острые кромки наплечников, на шипы, которые начали формироваться по его воле на локтях и коленях доспеха. Черный, маслянистый свет впитался в камень. Теперь любое оружие, ударившее по этим кромкам, получило бы порцию разъедающего яда. Пассивная защита.

Последними – свет Зин'таара и тени Ум'браала. Противоположности. Кай вплел их вместе, создав слой мерцающей, переливающейся тьмы на поверхности доспеха. Он поглощал часть враждебных энергетических атак, рассеивал лучи, создавал оптические искажения, затрудняя прицеливание. И завершающий штрих – ярость Вер'дака. Не безумную, а сфокусированную, звериную мощь. Кай направил ее в сердцевину доспеха, в грудную пластину. Теперь удар, нанесенный носителем, будет нести в себе дополнительную сокрушительную силу, усиленную этой вплетенной яростью.

Работа длилась часами. Солнце склонилось к горизонту, окрашивая пустыню в кроваво-золотые тона, когда Кай опустил Молот в последний раз. Перед ним, на месте базальтовой глыбы, стоял доспех. «Пламя Возмездия».

Он был массивным, угловатым, напоминающим скалу, высеченную в форме лат древнего воина. Цвет – глубокая чернота базальта, пронизанная мерцающей сетью золотых, бирюзовых и синих прожилок. Поверхность не была гладкой – она дышала, переливаясь, как масляная пленка на воде, то сливаясь с окружающей тьмой, то вспыхивая отблесками лунного света и внутреннего сияния. От него исходило странное сочетание аур: непоколебимой тверди, ледящего холода, живой пульсации, скрытой угрозы и сфокусированной ярости. И в самой сердцевине – слабый, но стойкий огонек жизни, вплетенный Эларой.

Кай шагнул к нему. Он был изможден до предела. Казалось, каждый удар Молота выбивал из него частицу жизненной силы. Но в его глазах горел огонь не усталости, а триумфа творца. Он протянул руку, коснулся холодной, но живой на ощупь поверхности грудной пластины. Доспех отозвался. Слабый резонанс прошел по металлу, золотые и бирюзовые прожилки вспыхнули чуть ярче. Он чувствовал каждую вплетенную силу, как чувствует кузнец примеси в стали. Они были подчинены. Служили единой цели. Защите. Победе.

– Твоя очередь, Кузнец, – прошептала Люмин, ее голос был едва слышен. Она лежала на боку, полностью обессиленная после часов поддержания иллюзий. Но в ее глазах светилось одобрение. – Примеряй шедевр.

Кай кивнул. Он снял свой старый, изодранный плащ и поношенную рубаху. Его тело, покрытое шрамами и сияющими узорами ковки, напряглось. Он мысленно обратился к

доспеху, к вплетенной в него силе. «Пламя Возмездия» откликнулось. Массивные части – нагрудник, спинная пластина, наплечники, набедренники – плавно, почти беззвучно отделились от центральной стойки, на которой они висели, и устремились к нему. Они обвили его тело, как живые, защелкнулись скрытыми запорами, идеально пригнавшись к его фигуре. Вес был значительным, но распределялся равномерно, не сковывая движений. Последним прилетел шлем – угловатый, с узкой прорезью для глаз, напоминающий голову мифического дракона. Он опустился на голову Кая, и мир сузился до прорези. Но вместо темноты – четкое зрение, усиленное вплетенными иллюзиями Си'ротто, показывающее все вокруг в мельчайших деталях, даже в наступающих сумерках.

Кай вдохнул. В доспехе было... прохладно. Не от холода Фро'стаара, а от сбалансированности сил. Он чувствовал пульсацию жизни Элары, успокаивающую ярость Игнариуса внутри него. Он чувствовал твердь Тер'ракс, как непробиваемый щит за спиной. Он чувствовал воду Кел'Торна, готовую погасить любой огонь. Иллюзии были натянуты, как струны, готовые к активации. Яд на кромках – скрытой угрозой. Ярость Вер'дака – сжатой пружины в груди. А свет и тени создавали вокруг него мерцающий, искажающий ореол.

Он был не просто воином. Он был ходячей крепостью. Орудием возмездия, выкованным с хирургической точностью и невероятной ценой.

– Боже правый... – прошептала Элара, глядя на него. В ее глазах был страх, но и восхищение. Сила, исходившая от Кая в новых доспехах, была пугающей, но и... гармоничной, в своем странном, боевом ключе.

Зефир издал низкий, одобрителный гул. Даже в его уставших глазах мелькнул огонек былой гордости.

– Как ощущения, Господин? – мысленно спросил грифон.

Кай повертел головой, поднял руку, сжал кулак. Доспех двигался бесшумно, как вторая кожа.

– Сила, – ответил он коротко, его голос из-под шлема звучал глубже, металлически. – Контроль. Готовность. – Он посмотрел на юг, где багровое зарево Цитадели Вечной Бойни горело теперь ярче звезд. – Беллакор ждет. Пора идти.

Он помог Эларе сесть на спину Зефиру, несмотря на слабое сопротивление грифона, не желавшего обременять его своим весом. Люмин забралась к ней на колени, тут же свернувшись клубком для краткого, но необходимого сна. Кай взял Молот. Его тень, удлиненная последними лучами солнца, легла на песок, и в этой тени он почувствовал резонанс – его новая способность к теням отозвалась, сливаясь с иллюзиями на доспехах. Он мог раствориться в ней, стать невидимым. Но он не стал. Пусть видят. Пусть Беллакор знает, что идет.

Они двинулись на юг, в сгущающиеся сумерки. Кай шел впереди, его фигура в мерцающих черных доспехах была подобна идущей скале, изрыгающей скрытый огонь. Элара на спине Зефира, прижимая к себе спящую Люмин, смотрела на его спину. На золотые и бирюзовые прожилки, пульсирующие в такт ее собственному сердцу. Надежда и страх боролись в ней. Он выковал чудо. Но выковал ли он победу? И какой ценой для себя? Для них всех?

Пустыня кончалась, уступая место каменистому плоскогорью, усеянному редкой, колючей растительностью. Воздух стал еще суше, горячее отраженным теплом камней. Багровое зарево на горизонте росло, заполняя все южное небо. Сквозь сумерки уже можно было различить очертания – циклопические стены из черного камня, утыканные башнями, словно клыками, исполинские ворота, из-за которых доносился приглушенный, но неумолчный гул: лязг стали, крики, рев боевых машин, грохот молотов о наковальни. Запах дыма, гари, раскаленного металла и крови висел тяжелым смогом.

Цитадель Вечной Бойни. Обитель Беллакора. Фабрика войны и страдания.

Кай остановился на краю высокого уступа, открывавшего вид на долину, в которой стояла цитадель. Она была огромна. Город смерти и металла, обнесенный стенами высотой с гору.

По стенам сновали крошечные фигурки стражей, мерцали огни патрулей. У подножия стен кишели лагеря – палатки, кузницы, загоны для боевых тварей. От цитадели, как ядовитые щупальца, расходились дороги, по которым двигались бесконечные колонны – войска, рабы, повозки с оружием и провиантом. Масштаб поражал и подавлял.

– Один вход? – мысленно спросил Зефир, подойдя к краю уступа. Его золотые глаза сканировали стены, башни, ворота. – Главные ворота. Массивные. Защищены башнями, подъемными решетками. Мощные заклатья на камнях. Вижу слабые точки... но подойти незамеченным почти невозможно. Патрули в воздухе. – Он кивнул на темные силуэты крупных птиц или летающих тварей, круживших высоко над цитаделью.

– Не один, – ответил Кай, его голос из-под шлема звучал как скрежет камней. Его Видение «Изыянов» работало на полную мощность, сканируя монументальное сооружение. Он видел не только физические слабости – трещины в кладке, менее укрепленные участки, но и энергетические потоки, узлы магической защиты, зоны скопления стражей. – Канализационные стоки. Там. – Он указал Молотом в сторону, где у подножия стены, скрытый грудой мусора и скальными выступами, зиял темный провал. Оттуда текла зловонная жижа. – И... система вентиляции кузниц. Высоко. Там. – Он указал на ряд темных отверстий на одной из дальних башен, из которых валил густой, черный дым. – Но стоки – ловушка. Забиты решетками, охраняются. Вентиляция... узкая. Опасно.

– Рабы, – тихо сказала Элара. Она смотрела не на стены, а на лагерь у подножия. На крошечные фигурки, таскавшие тяжести, толкавшие повозки под ударами надсмотрщиков. – Их тысячи, Кай. Они повсюду. Внутри цитадели, снаружи... Они первыми погибнут в открытом штурме. В огне... в давке. – Ее голос дрогнул.

Кай молчал. Он видел их. Видел «изыяны» в их изможденных телах, в страхе на их лицах. Старый Кай, Кай мести, возможно, прошел бы по их трупам, чтобы добраться до Беллакора. Но не этот. Не Кай, выковавший доспехи с искрой жизни Элары внутри.

– Мы не штурмуем ворота, – сказал он твердо. – И не полезем в сточную яму. Мы войдем через главный вход. Как гости. Или как тень.

Люмин, проснувшаяся от его слов, фыркнула, протирая глаза.

– Гостеприимство Беллакора обычно заканчивается на дыбе или в яме с боевыми саламандрами. Но я слушаю, Кузнец. Какие иллюзии плетем? Торговцев? Перебежчиков? Потерянных паломников культа Кровавого Молота?

– Силу, – ответил Кай. Он повернулся к ним, его фигура в мерцающих доспехах казалась еще больше в сгущающихся сумерках. – Мы войдем как сила, которую нельзя игнорировать. Которую хочется использовать. Беллакор – Бог Войны. Он уважает силу. Жаждет ее. Его цитадель – это гигантская кузница, где куют оружие и воинов. Мы предложим ему нечто уникальное. Нечто, что заставит его пригласить нас внутрь. Минуя стены. Минуя патрули.

Он поднял Молот и указал им в сторону лагерей рабов, на скопление повозок с рудой, на кузницы, где даже ночью горел огонь и слышался звон молотов.

– Мы поможем его кузнецам. Улучшим их работу. Создадим нечто такое, что сам Беллакор захочет это увидеть. Захочет узнать секрет. Мы станем слишком ценными, чтобы убивать у ворот. Мы войдем с подарком. С демонстрацией силы. И с этого начнется наш штурм. Изнутри.

Элара смотрела на него, постепенно понимая. Страх в ее глазах сменился трезвой оценкой.

– Это... дерзко. Опасно. Если разоблачат сразу...

– Нас разоблачат, – спокойно сказал Кай. – Но не сразу. Иллюзии Люмин, маскировка доспехов, наша сила... этого хватит, чтобы вызвать интерес. А затем... – он сжал кулак, и на острых краях его наплечников выступила маслянистая пленка яда, – затем мы покажем Беллактору истинную цену его войны. И освободим тех, кого он поработил. Начнем с кузниц.

Он развернулся и начал спускаться с уступа по скрытой тропе, которую заметил его усиленным зрением. Его черные, мерцающие доспехи сливались с наступающей ночью. За ним, стараясь идти бесшумно, последовал Зефир с Эларой и Люмин. Багровая цитадель Беллакора росла перед ними, как враждебная звезда, обещающая кровь и огонь. Но теперь у них был план. И доспехи, выкованные не только из камня и силы, но и из хитрости, милосердия и яростной решимости. «Пламя Возмездия» только начинало разгораться.

Глава 31

Ночь, пропитанная запахом гари, раскаленного металла и страха, сомкнулась над лагерьем у подножия Цитадели Вечной Бойни. Кай шел впереди, его фигура в доспехах «Пламя Возмездия» сливалась с тенями, лишь мерцающие прожилки золота и бирюзы выдавали присутствие чего-то большего, чем просто темнота. Воздух вокруг него слегка искажался, как над раскаленным камнем – работа вплетенных иллюзий Си'ротто и Сом'рааша, усиленных и стабилизированных лунной магией Люмин. Каждый его шаг был бесшумен, тяжелые латы не звенели, поглощая звук силой воды Кел'Торна и тверди Тер'ракс.

За ним, стараясь ступать осторожно, следовал Зефир. На его спине, прижимаясь к мощным плечам грифона, сидела Элара. Она закуталась в плащ из грубой ткани, найденной в развалинах на пути, стараясь скрыть свое сияние, но золотисто-зеленый свет все равно пробивался сквозь складки, как упрямый росток сквозь асфальт. На коленях она держала Люмин. Девятихвостая лиса была напряжена до предела, ее аметистовые глаза горели холодным лунным светом, а хвосты мелко дрожали, поддерживая самый сложный кокон иллюзий вокруг всей группы. Для внешнего наблюдателя они выглядели как группа изможденных, но крепких рабов-носильщиков, тащивших пустые ящики под присмотром усталого надсмотрщика (образ Кая). Ничего примечательного. Ничего угрожающего.

– Держись, Люмин, – мысленно прошептала Элара, чувствуя дрожь в маленьком теле лисы. – Совсем немного.

Лиса лишь слабо мотнула головой, не отрывая взгляда от мерцающего воздуха перед собой. Концентрация была запредельной. Малейший сбой, малейшая трещина в иллюзии – и их обнаружат.

Они миновали первые ряды грязных палаток и навесов, где вповалку спали изможденные люди, эльфы, гоблиноиды – все, кого война Беллакора превратила в расходный материал. Стоны, кашель, плач детей смешивались с храпом и бормотанием во сне. Запах немытого тела, болезней и отчаяния висел тяжелым одеялом. Элара сжимала кулаки, ее сердце сжималось от боли за каждую потерянную здесь жизнь. Ее сияние непроизвольно усиливалось, пытаясь исцелить неисцелимое, но Кай мысленно предупредил:

– Сдерживайся. Сейчас нельзя.

Она кивнула, стиснув зубы, и заставила сияние угаснуть, оставив лишь тлеющий уголек внутри. Цена бездействия была почти невыносимой.

Впереди замаячили огни кузниц. Не одна или две, а целый квартал раскаленных горнов, наковален, водяных бочек и складов руды. Звон молотов по металлу создавал безумную, дисгармоничную симфонию, перекрывая все остальные звуки. Воздух здесь был обжигающе горячим, пропитанным запахом угля, раскаленного железа и пота. Надсмотрщики с плетками и дубинами сновали между рядами, подгоняя кузнецов-рабов, чьи спины были покрыты рубцами, а глаза потухли от безысходности. Гигантские механические молоты, приводимые в движение либо рабской силой, либо смутно различимыми элементами огня, обрушивались на заготовки с монотонным грохотом.

– Туда, – мысленно указал Кай, направляя группу к одной из кузниц на окраине квартала, чуть менее людной. Здесь работали над мечами и топорами – стандартным вооружением пехоты Беллакора. У горна, раздувая меха, задыхаясь от жары, трудился тощий человек с обожженными руками. Рядом, у наковальни, другой раб, мощный орк, с тупой покорностью бил тяжелым молотом по раскаленному клинку. Над ними возвышался надсмотрщик – крепкий человек в потрепанной коже, с лицом, изъеденным оспинами, и вечно недовольным выражением. Он хмуро наблюдал за работой, постукивая плетью по голенищу сапога.

Кай остановился в тени соседнего склада руды. Он дал знак Зефиру и Эларе остаться в глубине, а Люмин – поддерживать иллюзию. Затем он шагнул вперед, его образ «усталого надсмотрщика» в глазах окружающих стал чуть отчетливее. Он направился прямо к кузнице.

– Эй, ты! – рявкнул местный надсмотрщик, заметив приближающуюся фигуру. – Чего шляешься? Своих рабов не хватает?

– Новую партию пригнал, – ответил Кай, его голос благодаря иллюзиям Люмин и вплетенным в доспехи теням Ум'браала звучал хрипло, устало, с нужной долей раздражения. Он махнул рукой в сторону тени, где стояли Зефир с «пустыми ящиками». – Руда для мастеров верхнего уровня. Приказано сдать тут, пока оформляют пропуск в цитадель. Ждать велели. Скучно. Дай чем заняться, а? Вижу, тут у тебя... – он презрительно кивнул на орка, выравнивавшего клинок, – не ахти работа кипит. Лезвие кривое, как рог горного козла. Такой разве что на баталии кухонной сгодится.

Надсмотрщик нахмурился, его оспины покраснели от злости.

– Сам ты кривой! Мои ребята пашут как волю! А клиент доволен. Стандарт. – Он швырнул плеть в сторону орка. – Давай, зелень, не копайся! Мастер ждет партию!

– Стандарт, – усмехнулся Кай, его «надсмотрщицкий» образ подошел ближе к наковальне. Он протянул руку, словно проверяя жар клинка. Надсмотрщик недовольно зарычал, но не остановил – в иерархии цитадели надсмотрщики редко лезли в драку друг с другом без веской причины. – Стандарт для мусора. Видишь изъян? – Кай указал пальцем в место, где его Видение показывало микроскопическую трещину в металле, скрытую пока под накалом. – Тут волосок. При первом же ударе о добрую броню треснет. И воин Беллакора отправится к Червям с куском железа в руке вместо меча. Тебе за это голову не открутят?

Надсмотрщик побледнел под слоем грязи и сажи. Он пригляделся, но его неискушенный взгляд ничего не видел.

– Врешь! Проверяли!

– Проверили плохо, – парировал Кай. Он сделал вид, что оглядывается, ищущий свободный горн. – Дай-ка сюда. И молот. Покажу, как надо.

Сомнение боролось на лице надсмотрщика со страхом перед ответственностью и любопытством. Наконец, он махнул рукой.

– Валяй, умник. Но если испортишь заготовку, из твоей шкуры ремни сделают. И из твоих рабов тоже.

Кай кивнул. Он взял из рук орка тяжелый кузнечный молот – грубый, неудобный инструмент, несравнимый с «Наковальней Мироздания», но для вида сгодится. Он подошел к горну, куда орк только что положил следующий раскаленный докрасна брусок стали. Кай подождал, пока металл не стал бело-желтым, сияющим в полутьме кузницы. Затем щипцами извлек заготовку и положил на наковальню. Орк и тощий раб у мехов замерли, наблюдая. Надсмотрщик скрестил руки на груди, ожидая провала.

Первый удар Кая был точным, выверенным. Не грубым, а резонирующим. Молот ударил по стали, и по наковальне побежали тонкие светящиеся трещины – невидимые для надсмотрщика и рабов, но явственные для Видения Кая. Он бил ритмично, не спеша, переворачивая заготовку щипцами. Каждый удар был не просто формовкой металла, а вплетением крошечных частиц поглощенных сил. Микродозы холода Фро'стаара в режущую кромку – для твердости и снижения трения. Искру ярости Вер'дака – в сердцевину клинка, для сокрушительного удара. Каплю воды Кел'Торна – в структуру стали, для упругости. И самое тонкое – нить иллюзии Си'ротто, вплетенную в сам металл, чтобы лезвие в движении слегка «дрожало», мешая прицелиться противнику.

Он не менял кардинально форму – клинок оставался стандартным мечом легионера. Но он выковывал его суть. Его потенцию. Металл под ударами пел иначе – не визжал, а звенел чистым, глубоким тоном. От него стало веять легкой прохладой, смешанной с запахом озона.

Надсмотрщик перестал ерзать, его глаза расширились. Даже рабы перестали дышать, завороненные странной, почти ритуальной точностью движений незнакомца.

Последний удар. Кай опустил молот. Он схватил клинок щипцами и резко окунул в бочку с маслом. Шипение было громким, пар окутал наковальню. Когда пар рассеялся, Кай вынул меч. Он был черным, матовым, без украшений. Но он *сверкал*. Не отраженным светом, а внутренней силой. Воздух вокруг лезвия слегка мерцал.

– Вот стандарт, – сказал Кай, протягивая меч рукоятью вперед надсмотрщику. – Попробуй.

Тот осторожно взял оружие. Вес был привычным, баланс – идеальным. Но ощущение... Ощущение было иным. Рукоять лежала в руке как влитая. Сталь казалась живой. Он неуверенно махнул мечом. Воздух со свистом рассекся. Лезвие оставило за собой едва уловимый шлейф искаженного воздуха – работа микродоз иллюзии. Надсмотрщик ахнул.

– Кровь Дракона... – пробормотал он. Он ткнул мечом в брошенный на землю кусок старой брони. Сталь вошла в металл, как в масло, почти без усилия. Он вытащил клинок – ни зазубрины, ни повреждения. Только легкий иней вокруг разреза. – Как... Как ты это сделал?

– Секрет мастера, – уклончиво ответил Кай, его «надсмотрщик» образ пожал плечами. – Знание металла. Понимание его души. И правильный удар. Твои ребята, – он кивнул на орка и человека у мехов, – стараются. Но им не хватает... искры. Я мог бы показать. Научить паре приемов. Пока жду пропуск. Заодно и твою норму подтяну. Чтобы голова на месте осталась.

Жадность и страх боролись на лице надсмотрщика. Жадность к славе, к премии за улучшенное оружие. Страх перед гневом вышестоящих, если узнают о самоуправстве. Но вид меча, его неоспоримое превосходство, перевесил.

– Ладно, – процедил он, пряча меч за спину, как драгоценность. – Валяй. Но только смотри... Если что не так, я тебя первым на кол посажу. Имя твое?

– Кран, – ответил Кай, не моргнув. Имя пришло само, как эхо из прошлого, имени погибшего товарища-кузнеца из Эмберхольма.

– А я Борк, – буркнул надсмотрщик. – Работай, Кран. Показывай свои фокусы. Но помни о колу.

Кай кивнул. Он подошел к горну, взял следующий брусок. Работа закипела с новой силой. Под его руководством, точными указаниями («Сильнее дуй!», «Бей сюда, под углом!», «Держи жар!») орк и человек у мехов, вдохновленные необычной эффективностью, стали работать лучше. Кай не вплетал в каждую заготовку столько силы, как в первый меч, лишь добавляя микродозы для улучшения качества – твердости, гибкости, остроты. Но даже этого было достаточно, чтобы изделия этой кузницы стали резко выделяться. Борк сиял, предвкушая похвалу.

– Эй, Борк! – раздался грубый голос снаружи. К кузнице подошел другой надсмотрщик, более грузный, с саблей на боку. – Что у тебя тут за переполох? И почему партия для башни Пылающего Кулака опаздывает? – Его взгляд упал на Кая. – А это кто?

– А, Грот, – засуетился Борк. – Это... это Кран. С рудой. Мастер с верхних уровней. Случайно зашел, увидел брак... Ну, я его упросил помочь. Глянь! – Он похвастался первым мечом, улучшенным Каем.

Грот взял оружие, повертел. Его тупое лицо выразило недоверие, затем удивление. Он ткнул мечом в наковальню. Лезвие оставило глубокую царапину, не затупившись.

– Черт возьми... – пробормотал он. – Откуда такой?

– Его работа! – Борк кивнул на Кая. – Говорит, может научить. Пока ждет пропуск.

Грот прищурился, изучая Кая. Его взгляд был тяжелым, подозрительным.

– Мастер с верхних... а одет как последний бродяга. И лицо... не помню такого. Документы есть, «Кран»?

Кай почувствовал, как Люмин наращивает усилия. Иллюзия его образа дрогнула, но удержалась. Он встретил взгляд Грота.

– Документы оформляют на пропускном пункте, – ответил он спокойно, его голос благодаря иллюзиям и теням звучал убедительно устало. – А одежда... после дороги через Пепельные степи. Да и не до понтов, когда план по выплавке титановой стали срывается из-за дурацких задержек с рудой. – Он кивнул на «ящики», которые несли Зефир и Элара.

– Грот, он реально знает толк, – вступился Борк. – Меч-то видел? Закалка – песня!

Грот колебался. Желание заполучить такое оружие для себя или выслужиться боролось с подозрительностью. Он потянулся к поясу, где висела связка железных блях – вероятно, сигнальный инструмент или амулет проверки.

– Ладно. Покажи, что еще можешь. Прямо сейчас. Вот этот клинок, – он указал на только что выкованный орком под руководством Кая меч, стандартный, но уже лучшего качества. – Сделай его... особенным. Как тот первый. Чтобы глаз не отвести.

Вызов. Проверка на лживость. Кай почувствовал напряжение Люмин, дрожь Элара на спине Зефира. Борк замер. Рабы перестали дышать.

– Особенным? – Кай взял меч из рук орка. Клинок был теплым, но уже остывающим. Он осмотрел его, будто оценивая. Его Видение показывало структуру. – Можно. Но потребует... концентрации. И кое-чего особенного. – Он сделал вид, что копается в грязном мешке у пояса (на самом деле пустом), доставая воображаемые ингредиенты. – Отойди. И не мешай.

Он положил меч плашмя на наковальню. Взял кузнечный молот. Закрыв глаза на мгновение, обращаясь внутрь себя. К хаосу поглощенных сил. Теперь нужен не микроэффект, а демонстрация. Шоу для подозрительного Грота. Он сконцентрировался. Сила иллюзий Си'ротто и Сом'рааша. Тени Ум'браала. Яд Вайт'ракса. Свет Зин'таара. И его собственная воля – железная, как клинок в его руках.

Первый удар. Легкий, резонирующий. По лезвию пробежала волна переливчатого света, как масляная пленка. Грот ахнул.

Второй удар. Точный, по обуху. Черный, маслянистый налет выступил на лезвии, едва уловимый, но зловещий. Яд.

Третий удар. По кончику клинка. Лезвие на мгновение вспыхнуло ослепительно белым светом, заставив всех зажмуриться, затем свет сменился глубокой, бархатной тьмой, поглощающей свет вокруг. Свет и Тень.

Четвертый удар. В основание клинка. Металл издал низкий, угрожающий гул. Вплетенная ярость Вер'дака.

Кай опустил молот. Он взял меч и протянул его Гроту. Клинок в его руке был теперь не просто оружием. Он был артефактом. Его поверхность переливалась, мерцала, то вспыхивая светлыми бликами, то погружаясь в бездонную черноту. По краю лезвия струился едва видимый маслянистый туман. От него исходила тихая, хищная вибрация.

– Вот твой «особенный», – сказал Кай. Его голос звучал глухо из-под шлема иллюзий.

Грот замер, его рука дрогнула, когда он взял меч. Он ощутил холод, жар, ярость и скользкую опасность, исходящую от металла. Он махнул им. Воздух завыл. Клинок оставил шлейф из света и тьмы, переплетающихся как змеи. Он ткнул мечом в брошенный шлем легионера. Сталь прошила металл, как бумагу. На месте удара остался черный, дымящийся след – работа яда.

– Кости великана... – прошептал Грот, его глаза округлились от жадного восторга и страха. – Это... это оружие для героев! Для самих командиров Легионов!

– Оно для того, кто им владеет, – парировал Кай. – И оно доказывает, что я не болтун. Теперь о пропуске. И о встрече с тем, кто оценит это по достоинству. Твоему начальнику, например. Или сразу Мастеру Кузницы Кровавого Молота. Я не намерен торчать тут, пока моя руда окисляется.

Жадность в глазах Грота победила окончательно. Он схватил меч, как драгоценность.

– Кровь и Пламя! Да! Сейчас! Борк, ты отвечаешь за его рабов! Кран, за мной! Идем к капитану форпоста! Он тебе пропуск выбьет! Или сам к тебе прибежит!

Грот почти бежал, сжимая новый меч, Кай следовал за ним, его доспехи «Пламя Возмездия» мерцали в такт шагам. Борк, оставшийся с Зефиром и Эларой (все еще под иллюзией носильщиков), раздувал щеки от важности. Рабы кузницы перешептывались, глядя им вслед с суеверным страхом.

Дорога к командному пункту форпоста пролежала через самую гущу лагеря. Мимо бесконечных рядов палаток, загончиков для боевых тварей (огрыхнулись на Зефира вонючие гиенопсы), складов оружия и продовольствия, мимо виселиц с полуразложившимися трупами «провинившихся», мимо ям, где копошились больные и раненые, брошенные на произвол судьбы. Каждый шаг был пыткой для Элары. Она видела изможденные лица детей, пустые глаза женщин, сторбленные спины стариков, впряженных в повозки. Ее сияние рвалось наружу, как раскаленный шар в груди, требуя исцелить, спасти. Только железная воля и страх за всех удерживали ее. Она чувствовала напряжение Люмин, дрожавшей у нее на руках. Иллюзия вокруг них трепетала, как паутина на ветру.

Наконец, они подошли к укрепленному посту у внутренней стены цитадели. Небольшая каменная башня, окруженная частоколом. У ворот стояли двое стражей в более качественных, чем у рабов, доспехах, с тяжелыми алебардами. Их лица были скрыты шлемами.

– Грот? – один из стражей шагнул вперед, его голос был глух из-под забрала. – Чего шумишь? И это что за... – он кивнул на Кая и группу позади.

– Важные гости, Брок! – Грот потряс мечом, который все еще не выпускал. – Мастер-кузнец с верхних! Срочно к капитану! У него руда для Мастера Кровавого Молота! И... и смотри, что он выковал! – Он протянул меч.

Страж Брок взял оружие, ощупал, взвесил на руке. Он молча махнул алебардой.

– Жди. Доложу.

Он скрылся в башне. Минуты тянулись мучительно долго. Люмин на руках у Элары тяжело дышала, капли пота выступали у нее на носу. Иллюзия требовала все больше сил. Кай стоял неподвижно, как статуя, но внутри него бушевал вулкан готовности. Он чувствовал каждую вплетенную силу в доспехах, каждую нить иллюзии Люмин. Он видел «изъяны» в стенах башни, в доспехах стража. Он был готов ко всему.

Брок вышел.

– Капитан примет. Только мастера. Его... рабы и надсмотрщик ждут снаружи.

Грот заерзал, но не посмел спорить. Кай кивнул.

– Хорошо. Борк, – он обернулся к надсмотрщику, – присмотри за моими носильщиками. И за рудой. Я недолго.

Борк важно надул щеки.

– Будь спокоен, мастер Кран!

Кай последовал за Броксом внутрь башни. В небольшой, душной комнате, освещенной факелами и масляной лампой, за грубым деревянным столом сидел капитан форпоста. Это был крепкий, как дуб, человек с лицом, изрубленным шрамами, и холодными, как сталь, глазами. На столе перед ним лежал меч, выкованный Каем. Капитан (Краг по нашивке на груди) не поднял головы, изучая клинок. Он провел пальцем по лезвию, почувствовав холод, жар, скользкую опасность яда. Он взвесил меч на руке, ощутил вибрацию.

– Садись, «мастер Кран», – наконец сказал он, не глядя. Его голос был низким, как скрежет камней. – И объясни. Откуда ты на самом деле? Потому что мастеров такого уровня я знаю всех в лицо. И ты среди них не значишься. Твой пропуск не оформлен. И эта руда... – он кивнул на воображаемые ящики, – ее никто не ждал. Так кто ты? Шпион? Диверсант? Или просто очень талантливый авантюрист?

Опасность висела в воздухе густым туманом. Брок стоял у двери, рука на рукояти меча. Кай почувствовал, как Люмин за пределами башни напряглась до предела, поддерживая иллюзию его образа перед пронизательным взглядом Крага. Он сел на табурет напротив капитана. Его доспехи «Пламя Возмездия» слабо мерцали.

– Я тот, кто может дать Беллактору то, чего он хочет, – ответил Кай, его голос, благодаря иллюзиям и теням, звучал спокойно, уверенно. – Не просто оружие. Не просто солдат. Превосходство. У меня есть знания. Секретыковки, утерянные со времен Игнариуса. Я пришел предложить их Богу Войны. Лично. Этот меч – лишь образец. Песчинка в пустыне моих возможностей. Задержка с пропуском... досадное недоразумение. Мои прежние покровители были... недалёковидны. Я ищу того, кто оценит мой талант по достоинству. – Он посмотрел прямо в холодные глаза Крага. – Ты можешь быть тем, кто откроет мне двери. И получит свою долю славы. Или... – он слегка наклонился вперед, и в его голосе зазвучала едва уловимая угроза, усиленная вплетенной в доспехи яростью Вер'дака и скользкостью теней Ум'браала, – ты можешь быть тем, кто попытается меня остановить. И останется лишь еще одним шрамом на стене этой башни. Выбирай, капитан. Проводник или препятствие?

Краг не отвечал долго. Его пальцы барабанили по рукояти меча на столе. Его холодный взгляд буравил Кая, ища ложь, слабинку. Он видел перед собой усталого, но уверенного в себе человека. Иллюзии Люмин, подкрепленные силой Кая, работали на пределе. Капитан видел мерцание доспехов, но списывал его на игру факельного света. Он чувствовал исходящую от «Крана» опасность, но это лишь подтверждало его слова о силе.

Наконец, Краг откинулся на спинку грубого стула.

– Интересное предложение. Очень. Но Беллакор не любит непрошенных гостей. Особенно с такими... неоднозначными историями. – Он поднял меч. – Но этот кусок железа... он говорит сам за себя. И твоя наглость тоже. – Он усмехнулся, обнажив желтые зубы. – Ладно. Я дам тебе пропуск. И сопровождение до ворот цитадели. Но только до ворот. Дальше – твои проблемы. Если ты настоящий мастер, пробьешься. Если нет... – он многозначительно потер горло, – ну, хоть цирк будет. А твои рабы и руда останутся здесь. Залогом. Понял, «Кран»?

Кай медленно кивнул. Риск огромный. Оставить Элору, Люмин и Зефира здесь, под прищмотром Крага и его людей? Но другого выбора не было. Отказ вызовет немедленную атаку.

– Понял. Они останутся. Но с ними ничего не случится. Пока я не вернусь.

– О, не случится, – ухмыльнулся Краг. – Пока ты не вернешься с доказательством твоей ценности для Беллакора. Или твоей отрубленной головой. – Он вытащил из ящика стола металлическую бляху с вычеканенным кровавым молотом – пропуск. – Брок! Проводи мастера Крана до Главных Врат. И скажи там, что это мой человек. Для личной аудиенции у Владыки Войны. Пусть пропустят. – Он бросил пропуск на стол перед Каем. – Удачи, мастер. Ты ее очень скоро проверишь.

Кай взял пропуск. Холодный металл обжег пальцы. Он встал.

– Я скоро вернусь. За своими людьми. И за твоей наградой, капитан.

Он вышел из башни, сопровождаемый Броком. Его взгляд встретился с глазами Элоры. В них читались страх, тревога, но и бесконечное доверие. Люмин на ее руках едва держалась, но ее иллюзия все еще держала образы рабов. Зефир стоял, как грозная статуя, но Кай видел боль в его глазах, напряжение в больном крыле. Брок важно расхаживал рядом.

– Ждите, – коротко бросил Кай им мысленно. – Я вернусь.

Затем он повернулся и пошел за Броком к Главным Вратам Цитадели Вечной Бойни.

Врата. Они были исполинскими. Два створчатых полотна из черного, мертвого металла, высотой с десятиэтажную башню. Поверхность была покрыта чеканкой – сценами бесконечных битв, страданий, триумфов жестокости. Перед вратами зиял глубокий ров с шипами на дне, заполненный мутной, дурно пахнущей жидкостью. Через ров был перекинут массивный подъемный мост, сейчас опущенный. По краю моста и на зубчатых стенах над вратами стояли

стражи – не люди, а гротескные гибриды человека и зверя, закованные в тяжелую броню, с копьями и арбалетами размером с баллисту. Их глаза светились тусклым красным светом из-под рогатых шлемов. Воздух гудел от их низкого, нечленораздельного рычания.

Брок подошел к началу моста, где стоял особенно крупный страж с пламенеющей эмблемой на груди – видимо, сержант.

– Приказ капитана Крага! – крикнул Брок, показывая на Кая. – Мастер Кран. Для личной аудиенции у Владыки Войны! Пропуск!

Страж-сержант медленно повернул голову. Его взгляд, тяжелый и тупой, упал на Кая. Он протянул лапищу. Кай подал пропуск. Страж осмотрел бляху, понюхал ее, затем ткнул когтем в Кая, проверяя доспехи. Его прикосновение было грубым, но доспехи «Пламя Возмездия» поглотили удар, не дрогнув. Страж зарычал что-то нечленораздельное и кивнул на врата. Брок отступил.

– Дальше сам, мастер. Путь знаешь?

– Найду, – ответил Кай. Он шагнул на мост. Гул стражей усилился. Он чувствовал на себе десятки ненавидящих, подозрительных взглядов. Его Видение «Изъянов» сканировало врата, мост, стражу. Он видел слабые точки в броне гибридов, в механизмах подъемного моста, в заклепках на вратах. Он видел ловушки – скрытые бойницы, плиты, готовые обрушиться, желоба для кипящего масла. Цитадель была крепким орехом.

Он дошел до середины моста. Гигантские врата возвышались перед ним, как стена ада. Они были приоткрыты ровно настолько, чтобы могла проехать повозка. Из щели лился желтый свет факелов и доносился усилившийся грохот кузниц, лязг оружия, рев боевых тварей и крики командиров. Запах крови, пота и металла стал осязаемым.

Стражи у ворот зарычали, требуя пропуск. Кай снова показал бляху. Один из них, огромный, с головой быка, схватил его за плечо, чтобы проташить внутрь. Прикосновение было унижительным, но Кай не сопротивлялся. Его доспехи мерцали чуть ярче.

Его втокнули в щель между створками врат. На мгновение его охватила полная темнота и гнетущая тяжесть циклопических металлических плит над головой. Затем он оказался внутри.

Цитадель Вечной Бойни открылась перед ним.

Это был не город. Это был гигантский, многоуровневый механизм смерти. Широкие улицы, вымощенные черным камнем, кипели движением: марширующие колонны солдат в одинаковой мрачной броне; повозки, груженные оружием и доспехами; боевые твари на привязи – огромные волки с металлическими клыками, скорпионы размером с лошадь, шипящие змеи с каменной чешуей. Багровые факелы в железных бра освещали фасады зданий – казармы, оружейные склады, кузницы, арены для тренировок, храмы с алтарями, залитыми кровью. Воздух дрожал от гула: лязга молотов, скрежета точильных камней, рева тварей, командных криков, стонов раненых и безумного хора боевых гимнов, доносящихся откуда-то сверху. Над всем этим возвышалась центральная башня – черный шпиль, увенчанный гигантским пылающим молотом, символом Беллакора. Оттуда, с недостижимой высоты, ощущалось присутствие самого Бога Войны – давящая аура неистовой ярости, жажды крови и абсолютной власти.

Кай остановился, впитывая картину ада, созданного руками божества. Его доспехи «Пламя Возмездия» отозвались на атмосферу ненависти и насилия низким, угрожающим гудением. Вплетенная ярость Вер'дака встрепенулась. Сила Беллакора была здесь всем. Она пропитывала камни, металл, воздух. Она была вызовом. И она была целью.

Он видел «изъяны» не только в броне солдат или стенах зданий. Он видел изъяны в самой системе. Страх в глазах рабов, тащивших неподъемные грузы. Неуверенность в движениях младших офицеров. Жадность и подозрительность надсмотрщиков. Беллакор правил через силу и страх, но страх – ненадежный фундамент. Он видел слабость.

Но это был лишь первый шаг. Он был внутри. Один. Элара, Люмин и Зефир остались за стенами, в лапах капитана Крага. Его «Пламя Возмездия» ждало своего часа. А где-то в сердце этой металлической горы ждал Беллакор. Бог Войны. Его следующая цель. И начало настоящего штурма.

Кай сделал шаг вперед, растворяясь в кроваво-красном потоке цитадели. Его черные, мерцающие доспехи слились с тенями, лишь золотые и бирюзовые прожилки пульсировали, как сердце бойца перед схваткой. Танец Войны только начинался. И он намеревался вести его.

Глава 32

Запах ударил в ноздри, как кулак из раскаленного железа и медного купороса – кровь, пот, горелое мясо, испражнения, масло для доспехов и вездесущая гарь кузниц. Звуки слились в адскую симфонию: лязг тысяч молотов по наковальням, скрежет точильных камней, рев боевых тварей в загонах, маршевая дробь сапог по камню, крики командиров, стоны раненых и безумный рев боевых гимнов, доносящийся с верхних уровней. Цитадель Вечной Бойни не просто жила войной – она была ее гигантским, пульсирующим органом. Кай стоял внутри гигантских врат, втягивая этот воздух ада, позволяя ярости Беллакора омыть его. Его доспехи «Пламя Возмездия» ответили низким, угрожающим гудением – вплетенная сила ярости Вер'дака встрепенулась, как зверь, почуявший родственную стихию.

Поток движения захлестнул его сразу. Колонны солдат в мрачной, функциональной броне цвета запекшейся крови маршировали строем, лица под шлемами каменные, глаза пустые или пылающие фанатичной ненавистью. Повозки, запряженные изможденными рабами или тварями, похожими на гигантских кабанов с металлическими клыками, везли груды оружия, доспехов, бревен для укреплений. Надсмотрщики с электрическими плетками и дубинками сновали, как хищные насекомые, их крики сливались с воплями наказуемых. Воздух вибрировал от гула гигантских механических молотов в ближайших кузнечных цехах, где под присмотром элементарей огня ковались многопудовые болты для баллист или каркасы осадных машин.

Кай двинулся вперед, растворяясь в этом потоке. Его черные, мерцающие доспехи с золотыми и бирюзовыми прожилками привлекали мимолетные взгляды – не столько любопытные, сколько оценивающие. Чужой. Не солдат. Не раб. Его образ «мастера Крана», поддерживаемый Люминными иллюзиями (он чувствовал ее слабое, но упорное присутствие за стенами), должен был работать. Он шел, держа перед собой бляху-пропуск капитана Крага, словно щит. Его Видение «Изъянов» работало безостановочно, сканируя окружающий ад:

Стены зданий. Казармы, склады, оружейные, арены для тренировок – все из черного базальта или мертвого металла. Трещины от постоянных вибраций, слабые места в кладке под весом верхних этажей. Ловушки – скрытые бойницы, резервуары с горючей жидкостью под мостовыми.

Солдаты. Стандартная броня – крепкая, но с уязвимыми сочленениями на шее, подмышках, паху. Глаза – слабое место. Аура страха под фасадом ярости. Недовольство у младших чинов.

Надсмотрщики. Жадные, жестокие, но трусливые перед высшим начальством. Их оружие – дешевый металл, легко ломающийся.

Рабы. Изможденные, отчаявшиеся, покрытые язвами и ожогами. Их дух сломлен, но искра сопротивления тлеет в глубине глаз некоторых. Смерть была их постоянной спутницей.

Энергетические потоки. Тяжелая, кроваво-красная аура Беллакора, исходившая с вершины центральной башни, пропитывала все. Как паутина, она связывала цитадель, питая ярость и подавляя волю. Но в ней были разрывы – зоны усталости, недовольства, страха перед бессмысленностью вечной войны.

Кай шел к центральной башне – черному, устремленному в кроваво-красное небо цитадели шпилю, увенчанному гигантским пылающим молотом. Туда, где восседал сам Владыка Войны. Его пропуск Крага был билетом лишь за ворота. Чтобы добраться до трона, нужен был другой ключ – демонстрация силы, привлекающая внимание нужных людей. Или создающая хаос.

Он свернул с главной артерии в сторону кузнечного квартала. Здесь грохот был оглушительным. Десятки горнов пылали, как маленькие солнца. Рабы, покрытые копотью и ожогами,

вкаливали у мехов и наковален под присмотром мастеров в кожаных фартуках, увешанных инструментами. Воздух дрожал от ударов гигантских паровых молотов, ковавших заготовки для осадных орудий. Кай подошел к одной из менее загруженных кузниц, где тощий человек с обожженными до мяса руками пытался выковать сложный наконечник алебарды. Работа шла плохо – металл остывал слишком быстро, форма кривилась.

– Эй, мастер! – Кай окликнул пожилого кузнеца, наблюдавшего за работой с хмурым видом. – Позволь взглянуть. Вижу, у тебя тут металл капризничает.

Кузнец, коренастый гном с седой, опаленной бородой и глазами, налитыми кровью от бессонницы, обернулся. Его взгляд скользнул по странным доспехам Кая и пропуску.

– А тебе-то что? Не мешай. План горит.

– План горит потому, что сталь не слушается, – парировал Кай. Он подошел к наковальне, где раб безуспешно бил по остывающему наконечнику. – Видишь изъян? – Он указал на едва заметное для обычного глаза пятно напряжения в металле. – Тут примесь. Окисел. Он делает сталь хрупкой, неподатливой. Дай сюда молот.

Гном заворчал, но махнул рукой рабу. Тот с облегчением отступил. Кай взял тяжелый кузнечный молот. Он ощутил структуру металла через рукоять. Некачественная сталь, спеченная на скорую руку. Он сосредоточился, высвобождая крошечную долю силы Фер'рокса – манипуляцию неживой материей. Его удар по наконечнику был не просто формовочным. Он был *перестраивающим*. Молот ударил, и по наконечнику пробежали светящиеся микро-трещины – видимые только Видению Кая. Он бил ритмично, точно, переворачивая заготовку. С каждым ударом он «выжигал» примесь, уплотнял структуру, вплетая микродозы тверди Тер'ракса для прочности и воды Кел'Торна для упругости. Металл под ударами запел чистым, глубоким звоном, перестал остывать слишком быстро. Форма стала идеальной.

Гном-кузнец ахнул. Его опытный глаз видел разницу.

– Как... Как ты это сделал? Жар не добавил, а металл...

– Знание, – коротко ответил Кай, опуская молот. – И правильный удар. Теперь он выдержит удар гномьего боевого молота. Без сколов.

Он двинулся дальше, оставив гнома разглядывать наконечник с благоговейным ужасом. Слухи расплзались быстрее крыс. В следующей кузнице, где огромный орк с трудом управлялся с заготовкой для тарана, Кай не просто улучшил металл – он легким ударом Молота (спрятанного под плащом) сделал сталь на мгновение текучей, позволив орку придать ей идеально аэродинамическую форму. В третьей – «излечил» треснувший молот гигантского пресса, временно изменив свойства металла в точке разлома, сделав его ковким и свариваемым на несколько минут, чего хватило мастеру, чтобы наложить заплатку.

К полудню (определяемому лишь по смене патрулей, ибо настоящего солнца в цитадели не видели) за Каем шла толпа. Мастера-кузнецы, надсмотрщики, любопытные солдаты. Шепот: «Мастер Кран... с верхних уровней... секреты Игнариуса...» Его демарш привлек внимание, которого он и добивался. И внимание это было не только благоговейным.

– Стой! – Грубый окрик разрезал гул кузниц. К Каю пробились пятеро стражей в доспехах качественнее стандартных, с пламенеющими кулаками на наплечниках. Лидер, человек с лицом, изуродованным ожогом и холодными глазами убийцы, преградил путь. – Ты тот самый Кран? Мастер-самоучка?

– Я тот, кто умеет ковать, – ответил Кай, останавливаясь. Толпа замерла.

– Мастер Кровавого Молота желает тебя видеть, – заявил страж. – Немедленно. Брось свои фокусы и идем.

Мастер Кровавого Молота. Верховный кузнец цитадели, правая рука Беллакора в деле создания орудий разрушения. Испытание приближалось. Кай кивнул.

– Ведите.

Его провели через лабиринт улиц вглубь цитадели, к подножию центральной башни. Здесь стояло здание, превосходившее размерами остальные кузницы. Стены из черного полированного камня, огромные кованые двери с барельефами сцен адскойковки. Внутри царил организованный хаос. Десятки горнов, десятки наковален. Работали не рабы, а обученные кузнецы – люди, гномы, даже пара циклопов, управлявших гигантскими прессами. Воздух дрожал от мощи. В центре зала, на возвышении, стояла огромная наковальня из темного, мерцающего металла. За ней – фигура.

Мастер Кровавого Молота. Это был не человек. Гуманоид, ростом под три метра, с кожей, напоминающей грубую, потрескавшуюся вулканическую породу. Руки – непропорционально длинные, мускулистые, заканчивающиеся массивными кулаками, способными сжать алмаз. На нем был кожаный фартук, почерневший от копоти и брызг металла. Лицо скрывал кованый шлем с узкой прорезью, из которой светились два уголька глаз. От него исходила аура невероятного жара, тяжести и абсолютного мастерства над металлом и огнем. В его руке он сжимал молот – не инструмент, а произведение искусства и оружие одновременно, из черного металла с прожилками раскаленного золота.

– Привели? – Голос Мастера был похож на скрежет гигантских шестерен. Он бросил на Кая оценивающий взгляд, его глаза-угольки остановились на доспехах «Пламя Возмездия». – Так это и есть «мастер Кран»? Выглядишь... неказисто для хранителя секретов Игнариуса. – Он презрительно фыркнул, и из прорези шлема вырвался клубок дыма. – Грот, мой помощник, – он кивнул на человека с ожогом, – слюни распустил над твоими фокусами. Говорит, ты металл оживляешь. Покажи. Прямо здесь. Прямо сейчас. – Он швырнул на наковальню перед Каем бесформенный слиток тусклого, сомнительного сплава. – Сделай из этого мусора клинок. Который перерубит вот это. – Он указал массивным пальцем на стальной прут толщиной в руку, вкопанный рядом в пол. – И чтобы сиял, как сказал Грот. Не выйдет – пойдешь на удобрение для боевых грибов. Выиграешь... может, Владыка удостоит тебя взгляда.

Вызов. Прямой и смертельный. Толпа кузнецов замерла. Грот смотрел с мрачным удовлетворением. Кай подошел к наковальне. Он поднял слиток. Металл был мертвым, холодным, полным шлаков и пустот. Сделай из него что-то прочнее стального прута? Чудес не бывает. Но он был Каем. Кузнецом, перековавшим богов.

Он бросил слиток в ближайший горн. Рабы у мехов, по знаку Мастера, начали раздувать пламя. Кай ждал, пока металл не стал бело-желтым. Он вытащил его щипцами – текучим, но мертвым внутри. Положил на наковальню. Взял тяжелый молот из стойки. Первый удар. Точный, резонирующий. Он не просто ковал. Он *перекраивал*. Сила Фер'рокса, манипуляция материей, слилась с его волей и умением. Молот бил, и структура металла перестраивалась под ударами, шлаки выжигались силой Игнариуса, пустоты заполнялись вплетенной твердью Тер'ракс. Он добавил микродозу холода Фро'стаара в режущую кромку будущего клинка – для твердости. Искру ярости Вер'дака – в сердцевину. Иллюзию Си'ротто – чтобы поверхность переливалась. И каплю света Зин'таара – для ослепляющего блика при ударе.

Работа шла быстро, яростно. Металл под его молотом не сопротивлялся, он *пел*. Формировался узкий, изящный клинок, больше похожий на эстетский кинжал, чем на оружие разрушения. Мастер Кровавого Молота хмыкнул:

– Красиво. Но прут он не перерубит. Дюймовая сталь против твоей побрякушки.

Кай закончил ковку. Он закалил клинок не в масле, а в воздухе, мгновенно остудив его силой холода Фро'стаара. Металл завизжал, покрылся инеем, но не треснул. Он взял готовый кинжал. Он был легким, темным, с переливающейся поверхностью и лезвием, от которого веяло холодом. Кай подошел к стальному пруту. Поднял кинжал.

– Сияй, – прошептал он, вкладывая в клинок импульс света Зин'таара.

Кинжал вспыхнул ослепительным белым светом, заставив всех зажмуриться. В этот миг Кай нанес удар. Не просто рукой, а всей силой вплетенной в доспехи ярости Вер'дака, скон-

центрированной в движении. Клинок со звоном, похожим на крик, вошел в сталь. Не застрял. Прошел насквозь, как через глину. Верхняя часть прута с грохотом упала на каменный пол. Свет погас. На месте разреза виднелся аккуратный срез с инеем по краям.

Тишина. Абсолютная. Даже грохот прессов на мгновение стих. Кузнецы смотрели на обрубок прута и на темный кинжал в руке Кая с суеверным ужасом. Мастер Кровавого Молота медленно поднял свою гигантскую руку и снял шлем. Его лицо было выжженным, как скала после извержения, без носа, с отверстиями вместо ушей. Но его глаза, маленькие и глубоко посаженные, горели невероятным интеллектом и... жадностью.

– Как... – его голос потерял скрежет, став почти человеческим от изумления. – Ты не просто кузнец. Ты... алхимик материи. – Он шагнул с возвышения, его тяжелые шаги заставили дрогнуть пол. – Этого не может быть. Но я вижу. Осязаю. – Он взял кинжал из рук Кая, ощущал срез на пруте. – Сила Игнариуса... Она в тебе. Или ты воровал его искры? Неважно. – Он посмотрел на Кая. – Владыка должен это увидеть. Немедленно. Грот! Конвой! В Башню Пылающего Молота! Самого Беллакора!

За стенами цитадели, в тени каменной стены форпоста, Элара прижимала к себе Люмин. Девятихвостая лиса была горячее, как уголек, ее дыхание поверхностное. Поддержание иллюзий на таком расстоянии и в такой концентрации высасывало последние силы.

– Держись, подруга, – шептала Элара, глядя серебристую шерсть. Ее собственное золотисто-зеленое сияние, приглушенное до минимума, пыталось подпитывать лису, но Люмин отталкивала его слабым мысленным импульсом: *«Экономь силы... Они нужны... для других...»*

Зефир стоял рядом, его могучая голова опущена, золотые глаза прищурены, но зорко сканировали округу. Его большое крыло было напряжено, готовое к действию, несмотря на боль. Борк, надсмотрщик, расхаживал перед ними, пыхтя от важности и нервного напряжения. Он бросал тревожные взгляды на башню капитана Крага и на Главные Врата цитадели.

– Где он? – бормотал Борк. – Должен был вернуться... Капитан не будет ждать вечно... А эти ящики... – Он пнул «ящик», который «нес» Зефир. Грифон глухо зарычал, заставив надсмотрщика отскочить. – Чертова тварь! Успокойся! Твой хозяин скоро покроется славой или... – он сделал выразительный жест рукой у горла.

Элара почувствовала волну боли. Не своей. Откуда-то из лагеря рабов. Она не выдержала. Осторожно положила спящую Люмин на землю в тени стены.

– Борк, – сказала она, вставая. Ее голос, благодаря слабому остатку иллюзии Люмин, звучал хрипло и грубо, как у изможденного мужчины. – Воды. Для больного. – Она кивнула на Люмин.

Борк буркнул что-то невнятное, но махнул рукой:

– Бери у бочки. Только быстро!

Элара схватила черпак у стоявшей неподалеку бочки с мутной водой и пошла не к Люмин, а вглубь лагеря, туда, откуда шла боль. Она нашла его быстро. У края ямы с больными, куда сбрасывали тех, кто не мог работать. Мальчик. Лет восьми. С переломанной ногой, запущенной до гангрены. Он лежал в грязи, рядом с трупом, и тихо стонал. Его глаза были мутными от боли и жара.

Элара опустилась на колени. Ее сердце разрывалось. Она оглянулась – Борк нервно шагнул у стены, не обращая на нее внимания. Она протянула руку, коснулась грязного лба мальчика. Золотисто-зеленый свет, слабый, как светлячок, пробился сквозь ее пальцы. Она не могла исцелить гангрену полностью – для этого нужны были силы и чистая перевязка. Но она могла унять боль. Остановить распространение заражения на время. Дать шанс.

Свет коснулся мальчика. Его стоны стихли. Глаза прояснились, на миг встретившись с глазами Элара. В них было недоумение и... надежда. Она убрала руку. Сияние погасло. Она влила в него черпак мутной воды.

– Эй! Ты! – Оглушительный удар плети хлестнул ее по спине. Элара вскрикнула от боли и неожиданности. Над ней стоял Борк, багровый от ярости. – Что ты тут делаешь, отродье? Копаешься с отбросами? Твоя тварь дергается, а ты тут? Марш обратно! Или тебя в яму к ним брошу!

Он замахнулся для второго удара, но его руку схватила как клещами могучая лапа Зефира. Грифон подошел бесшумно, несмотря на размер и рану. Его золотые глаза пылали холодным гневом. Он не сжал, но его взгляд говорил: *«Тронешь еще раз – умрешь»*.

Борк побледнел, вырвал руку.

– Твари... Все вы твари... – он забормотал, отступая. – Капитан Краг! Капитан! Они угрожают!

Дверь башни распахнулась. Капитан Краг вышел, мрачный, с мечом Кая в руке. Его глаза были холодными.

– Что за шум? – Его взгляд упал на Элару, поднимающуюся с колен, на Зефира, прикрывающего ее, на Люмин, лежащую без движения. – А, «залог». Уже бунтовать начали? – Он подошел, его взгляд скользнул по мальчику в яме, чье состояние заметно улучшилось. Потом остановился на Эларе. – Ты... ты не мужчина. – Его голос стал опасным. – И не раб. Твои глаза... – Он протянул руку, чтобы схватить ее за подбородок.

Зефир рыкнул, шагнув вперед, преграждая путь. Его крыло распахнулось инстинктивно, несмотря на боль, создавая барьер.

– Ага! – Краг отпрыгнул, его лицо исказилось торжеством. – Шпионы! Диверсанты! Я так и знал! – Он поднял меч Кая. – Стража! Взять их! Живыми! Они пригодятся, чтобы выманить их хозяина! А этого грифона – режьте!

Из башни и из-за угла высыпали солдаты – человек шесть, с алебардами и мечами. Борк с визгом отскочил. Краг стоял сзади, держа меч наготове. Элара вжалась в Зефира. Люмин застонала, пытаясь приподняться, ее иллюзии окончательно рухнули. Образы рабов исчезли, открыв истинный облик Элара, Зефира и лисы.

– Кай... – мысленно прошептала Элара, зная, что он слишком далеко. – Помогите...

Конвой из стражей Мастера Кровавого Молота вел Кая не просто вверх – в самое сердце цитадели, к основанию Башни Плающего Молота. Лифт, приводимый в движение паром и рабской силой (Кай видел изможденных людей и гоблиноидов, вращающих гигантское колесо вниз), поднял их на огромную высоту. Они вышли на кольцевую площадку у основания самого шпиля. Здесь не было улиц в привычном смысле. Были мосты, перекинутые через бездонные шахты, по которым лифты поднимали грузы с нижних уровней. Были входы в залы, откуда доносился лязг оружия и рев – тренировочные арены элитных подразделений. Воздух был разреженным, пропитанным запахом озона и... чистой, неразбавленной яростью. Аура Беллакора была здесь физически ощутимой, давящей на разум, разжигающей первобытный гнев.

Их путь лежал к массивным, окованным черным железом дверям. Перед ними на постаменте из черепов стояли два стража. Не гибриды. Не солдаты. Големы. Сделанные из черного базальта, скрепленного расплавленной бронзой, ростом под четыре метра. В пустых глазницах горел тусклый красный свет. Их кулаки были размером с бочонок. Мастер Кровавого Молота остановился.

– Дальше – только избранные. Или испытанные. Владыка не терпит слабых у своего трона. Победи их – или умри. Выбор твой, «Кран».

Кай посмотрел на големов. Его Видение показало структуру – прочную, но с «изъянами» в местах соединения базальтовых плит, где бронза была тоньше. Он сбросил плащ, обнажив «Пламя Возмездия» во всей его мерцающей мощи. Взял Молот, который несли за ним стражи. Его доспехи загудели глубже, вплетенная ярость Вер'дака жаждала боя.

– Откройте двери, – сказал он спокойно. – Я тороплюсь.

Големы ожили. Их движения были медленными, но неумолимыми. Первый занес кулак, чтобы раздавить Кая, как насекомое. Кай не стал уворачиваться. Он встретил удар Молотом, вложив в него силу тверди Тер'ракс. Удар кулака голема пришелся по набалдашнику Молота. Раздался оглушительный грохот, как удар скалы о скалу. Базальт на кулаке голема треснул. Кая не сдвинуло с места – доспехи и сила поглотили инерцию.

Второй голем попытался схватить его. Кай активировал иллюзию Си'ротто, вплетенную в доспехи. Его фигура дрогнула, расплылась. Кулак голема прошел сквозь мираж. В этот миг Кай прыгнул, используя силу ярости Вер'дака для немыслимого прыжка. Он приземлился на плечо первого голема. Молот обрушился вниз, не на голову, а в «изъян» – шов между плитой плеча и шеи, где бронзовая скрепа была тоньше. Удар был сфокусированным, резонирующим. Бронза треснула, базальт раскололся. Голем замер, его рука бессильно повисла. Красный свет в глазницах померк.

Второй голем, потеряв цель, развернулся. Его кулак понесся к Каю, все еще сидящему на первом големе. Кай не стал спрыгивать. Он снова ударил Молотом, но не по голему, а по воздуху перед собой, высвобождая силу воды Кел'Торна. Воздух сгустился, превратившись в ударную волну невидимой воды. Она ударила в кулак голема, отклонив его траекторию. Кулак врезался в туловище первого голема, окончательно разрушая поврежденное соединение. Первый голем рухнул на мостовую, разваливаясь на глыбы.

Второй голем ревом выразил ярость. Он ринулся на Кая. Тот стоял на обломках первого, Молот на плече. Когда голем был в двух шагах, Кай активировал вплетенный яд Вайт'ракса на острие Молота. Он не стал бить. Он *ткнул* Молотом вперед, как копьем, в «изъян» на груди голема – тонкую бронзовую перемычку между плитами. Наконечник Молота коснулся металла. Маслянистый яд просочился в микротрещину. Базальт вокруг точки касания мгновенно потемнел, покрылся паутиной черных трещин и рассыпался в пыль. Голем замер, огромная дыра зияла в его груди. Красный свет погас. Он рухнул, как подкошенный.

Тишина. Только шипение пара из лифтовых шахт. Мастер Кровавого Молота смотрел на Кая, на обломки големов. Его каменное лицо не выражало эмоций, но в глазах горело нечто похожее на уважение.

– Достоин, – процедил он. – Владыка ждет. – Он повернулся к огромным дверям. Они бесшумно распахнулись внутрь, открывая проход в исполинское пространство.

Тронный зал Беллакора. Это была не комната. Это была гигантская кузница, арена и храм одновременно. Пол выложен массивными плитами черного камня, залитыми местами запекшейся кровью. По краям пылали десятки горнов, отбрасывая адские тени. Над ними на цепях висели гигантские наковальни и молоты. В центре зала возвышался трон – не из золота, а из тысяч спрессованных клинков, копий и обломков доспехов, скрепленных расплавленным металлом. И на этом троне сидел *Он*.

Беллакор. Бог Войны. Он был гигантом, легко вдвое превосходящим Кая ростом. Его тело, мощное как скала, было облачено в доспехи, казавшиеся вылитыми из застывшей, черно-красной крови. Они переливались тусклым багрянцем, пульсируя в такт чудовищному сердцу внутри. На плечах – острые наплечники, похожие на клыки дракона. Шлем с опущенным забралом в форме звериного черепа скрывал лицо, но из глазниц горели два уголька чистой, неразбавленной ярости. В его правой руке, опертой на подлокотник трона из оружия, лежал меч. Простой на вид, прямой клинок из темного металла, но от него исходила волна такой боли, отчаяния и ненависти, что Кай физически ощутил тошноту. Это было не оружие. Это был концентратор страданий всех, кто погиб от него или в его имя.

Аура Беллакора заполняла зал, давя, как горная порода. Она требовала поклонения, преклонения перед силой, жажды крови. Стражи у дверей и кузнецы у горнов пали на колени, уткнувшись лбами в камень. Мастер Кровавого Молота склонил голову. Только Кай стоял

прямо, его доспехи «Пламя Возмездия» горели внутренним светом, ореол света и тени вокруг него дрожали, сопротивляясь давлению.

– Так это и есть червь, осмелившийся назвать себя наследником Игнариуса? – Голос Беллакора был низким, как подземный гул, и резал слух, как ржавая пила. Он поднялся с трона. Его движение было плавным, как у хищника, и заставило содрогнуться пол. – Тот, кто играет с металлом, как ребенок с глиной? Мастер рассказывал о твоих фокусах. Покажи. Покажи, что ты можешь. Помимо того, чтобы ломать каменных болванов. – Он медленно сошел с возвышения трона, его меч волочился по камню, оставляя искрящуюся черту.

Кай чувствовал крик Элары, отчаянный мысленный зов. «*Они в опасности!*» Времени на игры не было. Он поднял Молот.

– Я пришел не развлекать тебя, Беллакор. Я пришел положить конец твоей войне. Здесь и сейчас.

В зале повисла мертвая тишина. Даже горны словно притушили пламя. Затем Беллакор издал звук. Нечто среднее между рычанием и ледяным смехом.

– Конец? – Он поднял свой меч. Боль, исходившая от клинка, усилилась, стала почти осязаемой. – Война – это вечность. Война – это жизнь. А ты... ты просто еще один труп на моей стене. Но перед смертью... позабавишь меня.

Он двинулся. Несмотря на размеры, скорость была чудовищной. Меч Беллакора рассек воздух, оставляя кровавый шлейф и вой души, вырванной из тела. Кай едва успел поднять Молот для блока. Удар меча пришелся по набалдашнику. Грохот был оглушительным. Кая отбросило на пять шагов назад, его сапоги чертили искры по камню. Боль от клинка Беллакора прожгла его, как раскаленное железо, несмотря на доспехи. «Пламя Возмездия» заглушило часть физической силы, но психическую атаку пришлось гасить волевым усилием.

Беллакор не дал опомниться. Его второй удар был молниеносным уколом, направленным в стык нагрудника и наплечника. Кай активировал иллюзию Си'ротто. Его фигура дрогнула, сместилась в сторону. Меч прошел сквозь мираж, вонзившись в камень пола. Камень вокруг точки удара треснул, почернел от излучаемой боли.

Кай контратаковал. Молот обрушился на шлем Беллакора. Багровые доспехи Бога Войны вспыхнули, поглотив удар, как камень поглощает каплю воды. Беллакор даже не дрогнул. Он вырвал меч из пола и нанес диагональный удар. Кай прыгнул назад, используя силу ярости Вер'дака для ускорения. Лезвие меча просвистело в сантиметрах от его лица. Боль от близости клинка обожгла кожу.

– Слабо! – прогремел Беллакор, преследуя его. Его удары сыпались градом – тяжелые, сокрушающие, несущие не только физическую силу, но и волну парализующей боли и страха. Кай отбивался Молотом, используя Видение «Изъянов», чтобы находить слабые точки в атаках, его доспехи гасили часть энергии, иллюзии сбивали прицел. Но он был вынужден отступать. Мощь Беллакора была подавляющей. Его броня казалась неуязвимой. Аура ярости давила на разум, пытаясь выжечь все, кроме слепой ненависти.

– Владыка! Разреши! – крикнул Мастер Кровавого Молота, наблюдавший с края зала.

Беллакор отступил на шаг, его грудь тяжело вздымалась под кровавыми латами.

– Развлекайтесь, – бросил он, звуча почти скучающе.

Мастер сделал знак. Из тени горнов вышли фигуры. Не солдаты. Боевые кузнецы Мастера. Трое. Один – циклоп с гигантской кувалдой, на конце которой шипели клыки из раскаленного металла. Второй – человек в доспехах из вулканического стекла, с парой кривых, дымящихся кинжалов. Третий – женщина с кожей, покрытой металлическими чешуйками, с хлыстом из живой молнии в руке. Они двинулись на Кая, окружая его.

– Элара... Зефир... – мысленно прошептал Кай, отбивая удар кувалды циклопа и уворачиваясь от молниеносного хлыста. Он видел их лица перед внутренним взором. Видел страх Элары, боль Зефира, истощение Люмин. Он *не мог* проиграть здесь. Он *не мог* позволить Крагу

причинить им вред. Ярость – не слепая, а холодная, сфокусированная – закипела в нем. Ярость не Беллакора, а его собственная. Ярость защитника.

Циклоп занес кувалду для сокрушительного удара. Человек в вулканическом стекле бросился сбоку, кинжалы направлены в стыки доспехов. Женщина с хлыстом замахнулась, чтобы опутать его ноги молнией. Кай не стал уворачиваться. Он *впустил* ярость. Вплетенную ярость Вер'дака и свою собственную. Его доспехи «Пламя Возмездия» вспыхнули багровым светом. Он вскрикнул – не от боли, а от выброса мощи. Волна чистой, сфокусированной ярости ударила от него во все стороны.

Циклоп замер на миг, оглушенный. Человек в стекле отпрянул, как от удара. Хлыст молнии свернулся, как побитая змея. В этот миг Кай среагировал. Молот обрушился не на циклопа, а на пол перед ним. Удар был резонирующим, усиленным силой тверди Тер'ракс. Каменная плита под ногами циклопа вздыбилась, раскололась. Гигант потерял равновесие, рухнув на колено. Кай прыгнул, используя спину циклопа как трамплин. Он пролетел над головой человека в вулканическом стекле, Молот свистнул вниз, не по доспехам, а по полу у его ног. Еще один резонирующий удар. Камень взорвался осколками, сбивая нападавшего с ног. Женщина с хлыстом выстрелила молнией. Кай активировал иллюзию – его фигура распалась на три. Молния ударила в пустоту. Прежде чем она поняла ошибку, Кай был уже рядом. Не Молотом. Кулаком в доспехах, с вплетенным ядом Вайт'ракса на костяшках. Удар пришелся в чешуйчатую грудь женщины. Металлические чешуйки почернели, потрескались. Она вскрикнула, отлетая, ее хлыст погас.

Все трое были нейтрализованы за считанные секунды. Кай стоял среди них, его доспехи пылали багрянцем ярости, смешанным с золотом и бирюзой искры Эларты. Он повернулся к Беллактору.

– Хватит игр. Твой черед.

Беллакор наблюдал за схваткой, не двигаясь. Теперь он медленно кивнул.

– Лучше. Гораздо лучше. Но все равно... слабо. – Он поднял свой меч боли. – Твоя ярость... она искусственная. Заимствованная. Как и твоя сила. Моя – истинная. Первородная. – Он двинулся вперед. Его аура сжалась, стала тоньше, острее. Давление на разум возросло в разы. – Умри с честью, червь. Стань частью вечной войны!

Он атаковал. Не градом ударов, а одним, сокрушительным ударом сверху. Меч боли падал, как гильотина, неся с собой волну абсолютного отчаяния и агонии. Кай поднял Молот для блока, зная, что прямой удар может сломать его. Его Видение «Изыянов» сканировало Беллакора с бешеной скоростью. Броня... кроваво-красная, пульсирующая... Она была монолитной? Нет! Там! На груди, чуть левее центра! Точка, где сходились линии силы, питающие броню. Микроскопический «изыян», слабое звено в его абсолютной защите. Трещина в его бессмертной ярости.

Кай не стал блокировать. Он *шагнул* навстречу удару. В последнее мгновение, когда меч Беллакора был в сантиметрах от его шлема, он использовал силу иллюзии Си'ротто и теней Ум'браала не для смещения себя, а для создания кратковременного миража *перед* собой. Меч Беллакора ударил в мираж, прошел сквозь него. Истинный Кай был уже в движении. Он нырнул под руку Беллакора, оказавшись вплотную к его груди. Молот был уже на взводе. Весь его дух, вся воля, вся холодная ярость, вся сила Игнариуса, все вплетенные сущности богов сконцентрировались в одном движении. Он нанес удар. Не размахистый. Точечный. Сверлящий. В «изыян». В самое сердце кровавой брони.

Молот ударил. Раздался звук, похожий на треск ломающейся горы. Багровый свет брони Беллакора вспыхнул ослепительно ярко, затем погас. На месте удара, прямо над сердцем Бога Войны, зияла дыра. Не просто пробоина. Края дыры чернели, трескались, расплываясь, как гнилая ткань. Сквозь нее было видно... пустоту. Или бурлящую, кроваво-красную энергию, вырывающуюся наружу.

Беллакор замер. Его меч боли выпал из ослабевшей руки, с грохотом упав на камень. Он поднял руки к дыре в груди, к той пустоте, что вдруг открылась в самом центре его могущества. Из-под шлема донесся нечеловеческий стон – смесь невероятной боли, изумления и... страха. Страх перед небытием.

– Н-е-е-т... – прохрипел он. Кровавая броня начала рассыпаться вокруг дыры, превращаясь в черный пепел. Его гигантское тело дрогнуло, пошатнулось. – Война... вечно...

– Твоя война окончена, – прошептал Кай, отступая на шаг. Он поднял Молот. Не для удара. Для поглощения. Сила Беллакора, его сущность вечной войны, неистовой ярости, хлынула из разрушающегося тела, как река из прорванной плотины. Багровый, ослепительный поток устремился к Молоту, к Каю. Он впитал ее. Всю. Без остатка.

Волна энергии ударила в Кая. Не просто сила. Это был океан чистой, нефilterованной ярости, боли, жажды разрушения, воинской гордости и безумной отваги. Она ворвалась в него, затопила сознание, сожгла нервные окончания. Его доспехи «Пламя Возмездия» вспыхнули ослепительным багрянцем, затмив все другие цвета. Золотые и бирюзовые прожилки едва просвечивали сквозь кровавую завесу. Кай вскрикнул, упав на колени. Молот выпал из его руки. Мир сузился до пульсирующей боли и всепоглощающей ненависти. Он хотел разрушать. Убивать. Видеть кровь. Слышать хруст костей. *Беллакор* хотел этого через него.

– КАЙ! – мысленный крик Элара, отчаянный, полный любви и страха, пробился сквозь багровый туман. Как луч света в крошечной тьме. Он ухватился за него. За ее образ. За образ Люмин, Зефира. За свою *человечность*. Он сжал зубы до хруста, сфокусировал всю волю на удержании этой ярости. Не подавить. Обуздать. Как дикого зверя. Как раскаленный металл в горне. «Я – Кай. Кузнец. Защитник. Я не твой!»

Багровый свет в доспехах померк, сжался до пульсирующего ядра на груди. Но он не исчез. Он остался. Горячим, опасным, частью его теперь.

Беллакор рухнул. Его гигантское тело, лишенное божественной сущности, начало рассыпаться еще в падении. Кровавые доспехи превратились в прах. Плоть – в пыль. Кости – в обломки мертвого камня. Через мгновение на месте Бога Войны лежала лишь грудa темного пепла и обломков, над которой тускло светил его опустошенный меч боли.

Тишина в тронном зале была гробовой. Мастер Кровавого Молота стоял, как истукан. Стражи, кузнецы – все смотрели на грудy праха, затем на Кая, поднимающегося с колен. Его доспехи все еще пульсировали багрянцем, но в глазах, видных через прорезь шлема, горел холодный, контролируемый огонь. Ярость была обуздана. Пока.

– Владыка... пал... – прошептал кто-то из стражей.

Хаос начался не сразу. Сначала – тихий шепот. Затем – нарастающий гул недоумения, страха, злорадства. Без Беллакора его аура ярости, державшая цитадель в повиновении, исчезла. Осталась только привычка к насилию. И страх. И ненависть.

Первыми взбунтовались рабы у лифтов. С криком они бросились на своих надсмотрщиков, хватая инструменты, куски угля. Крик подхватили рабы в зале. Солдаты заколебались. Некоторые бросились усмирять бунт. Другие – грабить склады. Третьи – смотреть на начальство, не зная, что делать.

Звон тревоги прорвал гул. Где-то высоко завывали сирены. Цитадель Вечной Бойни начала умирать, пожираемая собственным хаосом.

– Элара! – Кай схватил Молот. Его голос, усиленный яростью Беллакора, прорезал гул, как труба. – Держись! Я иду!

Он бросился к выходу, к Главным Вратам. Его путь лежал через ад, который он сам и развязал. Но теперь он нес в себе ярость, способную сокрушить любой заслон. И любовь, способную эту ярость удержать.

Глава 33

Адский грохот рушащейся Цитадели Вечной Бойни был музыкой к хаосу, который Кай сам и вызвал. Воздух, еще недавно пропитанный гарью кузниц и яростью Беллакора, теперь звенел от криков бунтующих рабов, лязга оружия дерущихся солдат, треска обрушивающихся каменных громад и оглушительных сирен тревоги, ревущих с верхних ярусов башен. Кроваво-красное небо над шпилем, лишенное источника своей силы, побледнело, уступая место клубам черного дыма, поднимавшимся от горящих складов и кузниц. Цитадель не просто умирала – она пожирала сама себя в конвульсиях освобожденной жестокости.

Кай стоял посреди тронного зала-кузницы, ноги глубоко ушли в треснувший черный камень пола. Его доспехи "Пламя Возмездия" пульсировали багровым светом, как раскаленный уголь, подпитываемый чудовищной силой, вырванной из поверженного Владыки Войны. Эта сила – океан нефильтрованной ярости, боли, воинской гордости и жажды разрушения – бушевала внутри него, пытаясь захлестнуть сознание, сжечь последние остатки его человечности. Он видел мир сквозь кровавую пелену. Каждая трещина в стене, каждый падающий обломок, каждый дерущийся внизу солдат – все виделось как изъян, слабое место, требующее удара. Рука сжимала Молот с такой силой, что мерцающий металл стонал.

– Элара! – Его голос, усиленный яростью Беллакора, прорезал гул рушащейся цитадели, как удар боевого горна, заставляя ближайших кузнецов и стражей, оцепеневших от ужаса при виде падения их бога, вздрогнуть и отползти. – Держись! Я иду!

Мысленный крик Элары, отчаянный и полный любви, пробился сквозь багровый туман в его сознании. Как луч чистого света в крошечной тьме. Он ухватился за этот образ. За ее лицо, искаженное страхом, за серебристый мех Люмин, безжизненно лежащей на земле, за золотой взгляд Зефира, полный решимости. За свою *человечность*. Он сжал зубы до хруста, впиваясь ногтями в ладонь, фокусируя всю волю на удержании этой адской энергии. Не подавить – обуздать. Как дикого зверя в кузнечных тисках. Как раскаленную заготовку под молотом. *"Я – Кай. Кузнец. Защитник. Я не твой, Беллакор!"*

Багровое сияние в доспехах померкло, сжалось до пульсирующего ядра на его груди, похожего на затухающее сердце. Но оно осталось. Горячим. Опасным. Частью его теперь. Готовым прорваться при малейшей слабине.

Он бросился вперед, к массивным дверям тронного зала. Мастер Кровавого Молота, его каменное лицо все еще бесстрастно, но в глазах-угольках читалось что-то между ужасом и зарождающимся расчетом, шагнул ему навстречу.

– Кузнец! – Его голос, похожий на скрежет шестерен, перекрыл грохот. – Цитадель падает! Нижние уровни – ад! Рабы режут надсмотрщиков, солдаты режут друг друга за власть и добычу! Твой путь к Главным Вратам – через этот хаос!

– Открой! – Кай не снизил скорости. Его взгляд, видимый в прорези шлема, горел холодным, контролируемым огнем поверх бушующей под ним багровой ярости. – Или пройду сквозь тебя.

Гномовидный бог металла не спорил. Он махнул рукой, и стражи, дрожа, оттащили тяжелые створы. За дверями открылась картина апокалипсиса. Кольцевая площадка у основания Башни Пылающего Молота превратилась в арену кровавой бойни. Мосты, перекинутые через бездонные шахты лифтов, были завалены телами. Рабы с окровавленными инструментами и обломками оружия дрались с солдатами, потерявшими командиров и дисциплину. Другие солдаты грабили склады оружия, выносили ящики, рубились между собой за добычу. Воздух вибрировал от криков боли, ярости, страха. Аура Беллакора, сдерживавшая этот котел безумия, исчезла, оставив лишь первобытный инстинкт выживания и насилия. Пар из лифтовых шахт смешивался с дымом пожаров и запахом свежей крови.

Кай не колебался. Он ворвался в эту мясорубку, как таран. Его Молот, все еще хранящий тепло недавней перековки божественной сущности, свистел в воздухе. Он не искал боя – он прокладывал путь. Солдат, бросившегося на него с окровавленной алебардой, Кай не убил. Короткий, резонирующий удар Молотом по набалдашнику – и кости руки треснули, оружие вылетело. Раба, обезумевшего от ярости и кинувшегося с ножом, Кай отшвырнул плечом, используя импульс силы Тер'ракс, вплетенной в доспехи, отправив того в стену без серьезных увечий. Его Видение "Изъянов" работало на пределе, сканируя не слабые точки для убийства, а пути наименьшего сопротивления, точки опоры на шатких мостах, траектории падающих обломков. Он двигался с чудовищной скоростью, используя рывки ярости Вер'дака, его фигура мелькала в дыму, оставляя за собой волну замешательства и временного затишья. Его цель была ясна – спуск. К Главным Вратам. К Эларе.

Но хаос был слишком плотным. На узком мосту, перекинутом через зияющую шахту, где внизу метались рабы, пытаясь запустить гигантское колесо лифта, путь ему преградила толпа озверевших солдат. Они дрались между собой за мешок с чем-то блестящим, но, увидев одинокую фигуру в мерцающих черных доспехах, мгновенно объединились против общего, более сильного врага. Человек десять, в потрепанной броне цвета запекшейся крови, с окровавленными мечами и топорами. Их глаза горели не фанатичной ненавистью прошлого, а животным страхом и алчностью.

– Чужак! Доспехи с него! – заревел самый крупный, орк с зазубренным топором. – Держать его!

Они ринулись, перекрывая узкий проход. Времени на маневр не было. Сзади напирала толпа, впереди – клинки. Ярость Беллакора в груди Кая взывала требованием крови. Он ощутил, как багровый свет на его нагруднике вспыхивает ярче. *Разрушь! Сотри их в пыль!*

– Нет! – мысленно рявкнул Кай, вцепляясь в эту ярость. Он вспомнил крик Элары, ее золотисто-зеленый свет, ее милосердие к тому мальчику в лагере рабов. Он не мог позволить себе стать слепым орудием разрушения здесь, сейчас. Не ради них.

Вместо широкого замаха он вогнал Молот в камень моста перед собой. Удар был не просто сильным. Он был *резонирующим*, усиленным вплетенной твердью Тер'ракс и направленным его волей. Каменные плиты под ногами нападавших солдат вздыбились, как морская волна, с треском раскололись. Мост содрогнулся. Солдаты, потеряв равновесие, полетели в разные стороны – кто на спину, кто на колени, кто едва удержался у края бездны. Никто не упал в шахту, но путь был очищен. Кай, не глядя на ошалевших бойцов, рванул дальше, прыгая через трещины. За спиной оставались крики, ругань и звуки возобновившейся драки за упущенную добычу.

Спуск по спиральным лестницам и служебным трапам превратился в кошмар. Каждый уровень цитадели был охвачен своим видом безумия. В оружейных солдаты и рабы дрались насмерть за лучшие клинки и доспехи. В казармах горели нары, и в дыму резались бывшие сослуживцы. В тренировочных залах арены стали площадками для кровавых разборок между разными подразделениями. Воздух густел от дыма, пыли и запаха горячей плоти. Кай использовал иллюзии Си'ротто, вплетенные в доспехи, чтобы сливаться с тенями, обходить самые очаги бойни, или же просто пробивался сквозь толпу, как ледокол, используя свою физическую мощь и ауру подавляющей силы, заставлявшую самых агрессивных невольно отступать. Его Видение "Изъянов" отмечало не только слабые места врагов, но и несущие балки, готовые рухнуть, резервуары с маслом, грозящие взрывом, груды камней на грани обвала. Он инстинктивно направлял потоки бегущих людей, отталкивая их от опасных зон, иногда жертвуя секундами драгоценного времени. Каждая задержка отзывалась новым уколом отчаянного зова Элары.

"Они здесь! Капитан... Краг... Зефир ранен! Люмин... слаба..."

Мысли Элара были обрывочными, пробивающимися сквозь боль и концентрацию. Кай чувствовал ее страх, ее истощение. Чувствовал тупую боль в крыле Зефира, знакомую по прошлым ранениям грифона. Чувствовал едва тлеющую искру жизни Люмин. И чувствовал холодную, расчетливую жестокость капитана Крага. Ярость снова подкатила к горлу, багровый свет в доспехах вспыхнул ярко. Он сжал Молот так, что металл застонал.

– Держись, – мысленно послал он ответ, вкладывая в импульс всю свою волю и толику спокойствия, которое ему удалось сохранить. – Я близко.

Он вынесся на огромную галерею, опоясывающую главную шахту цитадели. Отсюда открывался вид на Главные Врата – гигантские створы из черного металла, частично разрушенные взрывом или ударом невероятной силы. Сквозь проломы лился дневной свет, неестественно яркий после кроваво-красного сумрака цитадели. И там, у самого пролома, на фоне света, разворачивалась схватка.

Воздух у Главных Врат звенел от стали и криков. Запах дыма, крови и страха смешивался с пылью, поднятой обрушением части стены. Зефир, могучий Астральный Грифон, был похож на израненную статую. Его бронзово-золотистые перья, обычно переливающиеся звездной пылью, были покрыты грязью и запекшейся кровью. Одно крыло неестественно вывернуто и окровавлено – старый шрам, полученный при падении в Долине Элара, дал трещину под новым ударом. Вторая рана зияла на груди, из нее сочилась темная кровь. Но его золотые глаза пылали не болью, а холодной, хищной яростью. Он стоял над Люмин, девятихвостая лиса лежала без движения, ее серебристый мех тускл, дыхание поверхностное. Зефир прикрывал ее своим телом, как скала.

Перед ним, полукольцом, замерли пятеро солдат капитана Крага. Не обычные legionеры, а его личная гвардия – в доспехах чуть лучше стандартных, с пламенеющими кулаками на наплечниках. Их лица под шлемами были бледны, но дисциплина, вбитая годами службы, удерживала их от бегства. Они держали длинные алебарды, острия направлены на грифона. Один из них лежал в стороне, с развороченным горлом – предупреждение для остальных.

Капитан Кrag стоял чуть поодаль, его лицо, изрезанное шрамами, было искажено торжествующей злобой. В его руке – меч Кая, тот самый, что был "залогом". Лезвие сияло холодным светом, чуждым прикосновению Крага. Надсмотрщик Борк жался к стене башни капитана, его глаза бегали от грифона к Крагу, полные животного страха.

– Не подходи, тварь! – крикнул Кrag, помахивая мечом перед собой. – Твой хозяин уже кормит воронов где-то на верхушке! А вы – последние! Сдавайтесь, и я отошлю вас в клетки к Владыке! Может, он вас помилует за шпионаж! – Его голос был полон презрения и уверенности в победе. Он видел раны Зефира, видел беспомощность Люмин. Элара, стоявшая на коленях рядом с грифоном, казалась ему измотанной и беззащитной. Ее золотисто-зеленое сияние было приглушено до минимума, лицо осунулось от напряжения и боли от ран на спине, нанесенных плетью Борка. Иллюзии Люмин рухнули, открыв ее истинный облик – богини, но богини, загнанной в угол.

Элара подняла голову. Ее глаза, цвета молодой листвы, встретились со взглядом Крага. В них не было страха. Была усталость, боль, но и непоколебимая решимость.

– Твой Владыка мертв, Кrag, – ее голос, слабый, но чистый, прозвучал странно громко в наступившей тишине. Солдаты переглянулись, неуверенно. – Беллакор пал. Цитадель падает. И твоя власть – призрак.

Кrag замер на мгновение, лицо дернулось. Затем он захохотал – резким, неприятным звуком.

– Врешь, богиня! Владыка Войны бессмертен! А твой кузнец – труп! – Он плюнул на камни. – Хватит болтать! Взять их! Грифона добить! Богиню – связать! Лисицу – в клетку! Живыми!

Солдаты, подстегнутые приказом и собственным страхом, сделали шаг вперед, сжимая древки алебард. Зефир глухо зарычал, расправил здоровое крыло, создавая устрашающий барьер, несмотря на боль. Он приготовился к последнему прыжку, к смертельной схватке. Элара встала, ее руки сжались в кулаки. Слабый золотисто-зеленый свет заструился вокруг ее пальцев – она собирала последние силы для защиты, зная, что это может быть концом.

В этот момент из пролома Главных Врат, залитого дневным светом, вылетела тень. Небольшая, стремительная. Это был не Кай. Это было существо из перьев цвета воронова крыла и мерцающего, как нефть, оперения. Ворон. Но не обычный. Его глаза светились холодным интеллектом, а вокруг него вился едва уловимый ореол статики и легкий запах озона. Он пролетел над головами солдат, словно игнорируя их, и сел на уцелевший обломок стены прямо над схваткой. Ворон склонил голову, его блестящий глаз уставился на Элару, потом на Зефира, на Люмин, на Крага. Казалось, он все оценивал.

– Проклятая птица! – зашипел Борк, суеверно крестясь.

Краг лишь на мгновение отвлекся, раздраженно махнул рукой.

– Не обращайтесь внимания! Вперед!

Солдаты снова двинулись. Первая алебарда метнулась в бок Зефира. Грифон отбил удар здоровым крылом, перья звенели, как металл, но солдат не отступил, пытаясь зацепить крюком. Второй солдат атаковал с другой стороны. Зефир, защищая Люмин и Элару, оказался в тисках.

Элара сжала руки. Золотисто-зеленый свет рванулся от нее к ближайшему солдату не как атака, а как спутанная сеть из живой лозы. Тот вскрикнул, запутался, упал. Но сил у Элары было мало. Следующий солдат уже заносил алебарду над ней.

В этот момент раздался оглушительный грохот. Не со стороны ворот, а сверху. Часть каменного карниза над площадкой у Главных Врат обрушилась, обвалившись как раз на то место, где стояли двое солдат, готовившихся атаковать Элару и с тыла. Камни с грохотом погребли их под собой, подняв тучи пыли. Остальные солдаты в ужасе отпрянули.

Краг взглянул вверх. Там, на краю обрыва галереи, стоял Кай. Его черные доспехи с золотыми и бирюзовыми прожилками были покрыты сажей и брызгами чужой крови. Багровое ядро на груди пульсировало. В руке он сжимал Молот. Его глаза, светящиеся из-под шлема, были устремлены прямо на капитана. В них не было ничего человеческого. Только холодная, абсолютная ярость, готовая смести все на своем пути.

– Кузнец... – прошипел Краг, бледнея. Его уверенность испарилась. Он почувствовал ту самую ауру, что исходила от Беллакора, но сконцентрированную, заостренную как бритва. Он поднял меч Кая, пытаясь придать себе храбрости. – Ты... ты жив?! Где Владыка?!

– Он ждет тебя в бездне, – голос Кая был низким, как подземный гул, пронизанным металлом и обещанием смерти. Он не спеша начал спускаться по груде обломков, ведущей вниз к площадке. Каждый его шаг отдавался гулким эхом в наступившей тишине. Солдаты Крага отступали, бросая оружие. Борк с визгом забился в угол. Ворон на стене каркнул, звук был похож на сухой смешок.

– Стоять! – заорал Краг, тряся мечом. Его лицо перекошилось от страха и бессильной злобы. – Я убью их! Я убью ее! – Он резко развернулся, направляя острие меча на Элару, которая стояла, опираясь на Зефира, ее глаза были прикованы к Каю, полные облегчения и тревоги.

Кай не побежал. Он исчез. Не с помощью иллюзии. Он просто *двинулся* с такой немыслимой скоростью, которую давала сконцентрированная ярость Вер'дака, усиленная мощью Беллакора. Воздух хлопнул, как от удара. Он возник перед Крагом, как призрак гнева. Его Молот

даже не замахнулся. Он просто двинулся вперед, как продолжение руки Кая, набалдашником вперед. Удар пришелся в солнечное сплетение капитана с силой падающей горы.

Раздался звук ломающихся костей и рвущейся плоти. Круг не успел вскрикнуть. Его тело оторвало от земли, пронесло по воздуху и с глухим стуком швырнуло в каменную стену башни. Он осел, как тряпичная кукла, оставив на камне кровавый след. Меч Кая с лязгом выпал из его безжизненной руки.

Тишина. Абсолютная. Даже гул рушащейся цитадели казался далеким. Солдаты Круга стояли как вкопанные, их лица застыли в гримасе ужаса. Борок завыл, закрыв лицо руками. Ворон каркнул еще раз, взмахнул крыльями и взлетел, исчезнув в клубах дыма.

Кай не смотрел на тело Круга. Он повернулся к Эларе. Багровый свет в его доспехах медленно угасал, сжимался обратно в ядро, подавленный его волей, но напряжение в нем было осязаемым. Он сделал шаг к ней.

Элара тоже сделала шаг навстречу, не обращая внимания на ужаснувшихся солдат, которые бросились врассыпную. Ее глаза были полны слез, но руки протянуты не для объятий, а для исцеления. Она видела раны Зефира, истощение Люмин, чувствовала бушующую бурю внутри Кая.

– Кай... – ее голос дрогнул. – Ты...

Он упал на колени перед ней. Не от слабости. От того, что сдерживаемая ярость и адреналин отступили, оставив ледяную пустоту и дрожь в руках. Молот выпал из его ослабевших пальцев

ов, с глухим стуком ударившись о камень. Он снял шлем. Его лицо было бледным, покрытым сажей и потом, глаза – два угля, в которых еще тлел багровый отблеск, но уже сквозил человеческий ужас от того, что он едва не натворил, от того, что носил в себе.

– Элара... – он выдохнул, его голос был хриплым, сорванным. – Я... я едва сдержался... Там, наверху... Эта ярость... Она...

– Знаю, – она опустила перед ним, ее теплые, исцеляющие руки коснулись его висков, несмотря на боль, которую причиняло его божественное пламя ее сущности. Золотисто-зеленый свет, слабый, но упорный, полился из ее ладоней. Он не лечил физические раны – их почти не было. Он касался его души, его разума, остужая адский жар Беллакора, напоминая о свете, о жизни, о ней. – Я чувствовала. Но ты сдержал. Ты вернулся к нам.

Он закрыл глаза, прислонившись лбом к ее ладони. Ее аура жизни обжигала, как лед на раскаленной стали, но в этом огне было очищение. Багровое ядро на его груди дрогнуло, сжалось еще сильнее, его свет стал глубже, темнее, но менее агрессивным.

– Люмин... Зефир... – прошептал он.

– Живы, – Элара кивнула в сторону грифона, который, хромая, подошел ближе, его мощная голова опустилась, коснувшись плеча Кая в знак верности и благодарности. Люмин по-прежнему лежала без движения, но дыхание ее стало чуть глубже. – Зефир защищал нас как лев. Люмин... она очень слаба. Поддержание иллюзий на таком расстоянии и концентрации... Это выжгло ее. Ей нужно время и покой.

Кай протянул руку, коснувшись серебристого меха лисы. Он ощутил едва теплящуюся жизнь, хрупкую, как паутинка. Его Видение "Изъянов" показало не слабости, а изможденные каналы магии, потускневшую лунную искру.

– Мы уйдем отсюда, – сказал он твердо, поднимаясь. Багровая ярость была загнана в угол, закована в цепи воли и любви. На первый план вышла усталость, но и решимость. – Сейчас. Пока цитадель не похоронила нас под собой.

Он поднял Молот. Вес его был знакомым, успокаивающим. Он подошел к Зефиру, осмотрел раны. Крыло – старая травма, усугубленная. Грудь – глубокий порез, но не смертельный. Кай сосредоточился. Он не был целителем, как Элара. Но он был кузнецом материи. Он положил руку на грудь грифона, рядом с раной. Сила Фер'рокса, манипуляция неживой материей,

слилась с его волей и крошечной искрой силы Игнариуса. Он не лечил – он *перекраивал*. На мгновение ткани вокруг раны стали податливыми, как размягченный металл. Разорванные края сблизилась, кровотечение остановилось. То же самое он проделал с крылом, осторожно выправив вывих и укрепив треснувшие кости микродозой тверди Тер'ракс. Это не было полноценным исцелением, но это стабилизировало грифона, сняло острейшую боль.

– Сможешь лететь? – спросил Кай, глядя в золотые глаза Зефира.

Грифон глухо клекнул, расправил здоровое крыло и попытался приподнять поврежденное. Боль скользнула в его взгляде, но он кивнул мощной головой. *"Смогу. Недалеко."*

– Хорошо. – Кай осторожно взял Люмин на руки. Она была легкой, как пушинка, и горячей, как уголек. Ее хвосты безжизненно свисали. Он передал ее Эларе. – Держи ее. Я понесу... – он огляделся и увидел "ящик", который "нес" Зефир. Это был прочный металлический контейнер, вероятно, с припасами Крага или трофеями. – ...это. Зефир понесет тебя и Люмин. Я буду рядом.

Элара бережно прижала лису к себе, ее золотисто-зеленый свет окутал Люмин, пытаясь подпитать угасающую жизнь. Кай взвалил контейнер на плечо. Он был тяжел, но для его силы – ничто. Они двинулись к пролому в Главных Вратах, к дневному свету.

Их выход из ада был замечен. Не солдатами – те уже разбежались или погибли. Не рабами – те были заняты своим кровавым праздником освобождения или грабежом. Их заметил ворон. Он сидел на вершине уцелевшей башни над воротами, его черные перья сливались с камнем, только глаза светились холодным блеском. Он следил за ними, пока они не скрылись в ослепительном свете дня за стенами падающей Цитадели Вечной Бойни.

Воздух за стенами был другим. Чистым. Резким после спертой атмосферы цитадели. Пахло пылью, гарью и... свободой. Они оказались на каменистом плато перед гигантскими воротами. Вдалеке виднелись форпосты, лагеря рабов, но там тоже бушевал хаос – весть о падении цитадели и смерти Беллакора, видимо, уже долетела. Группы солдат и надсмотрщиков дрались между собой или пытались бежать. Рабы ломали оковы, поджигали бараки.

Кай огляделся, ища укрытие. Его взгляд упал на тот самый каменный выступ форпостной стены, где они оставили Люмин перед входом в цитадель. Там была тень. Туда.

Зефир, тяжело дыша, опустился на землю. Элара осторожно слезла, все еще держа Люмин. Кай сбросил контейнер.

– Здесь, – сказал он, указывая на тень под стеной. – Отдохнем. Обрабатываем раны. Дай Люмин.

Он осторожно взял лису у Элара, уложил ее на мягкую подстилку из своего плаща в самом углу тени. Люмин слабо застонала, но не открыла глаз. Ее дыхание оставалось поверхностным.

Элара сразу опустилась на колени рядом с Зефиром. Ее руки засветились ярче, золотисто-зеленый свет полился на раны грифона. Он вздрогнул – исцеляющая аура Элара обжигала его астральную природу, но это был огонь очищения, а не разрушения. Края раны на груди стали стягиваться, воспаление утихало. Крыло... Элара сосредоточилась, ее лицо напряглось. Она не могла мгновенно срастить кости, но она гасила боль, снимала отек, стимулировала естественную регенерацию. Зефир глухо заурчал, в его глазах появилось облегчение.

Кай стоял, прислонившись к холодному камню стены. Он смотрел на Элара, на ее сосредоточенное лицо, на свет, льющийся из ее рук. Он смотрел на Люмин, такую хрупкую сейчас. На Зефира, терпеливо переносящего боль исцеления. Багровое ядро на его груди сжалось до размеров кулака, его пульсация стала глухой, ритмичной. Ярость Беллакора была усмирена. Но не побеждена. Она ждала. Как тлеющий уголь под пеплом.

Элара закончила с Зефиром, перевела взгляд на Кая.

– Твоя очередь, – сказала она тихо, поднимаясь. Ее лицо было бледным от усталости.

– Я цел, – отмахнулся он.

– Лжец, – она подошла к нему. Ее глаза были усталыми, но настойчивыми. – Я чувствую это. Внутри. Эта ярость... Она обжигает тебя изнутри. Дай мне...

Она протянула руки, чтобы коснуться его нагрудника, прямо над багровым ядром. Кай инстинктивно отпрянул.

– Не надо. Твоя сила... Она причинит тебе боль.

– А твоя ярость причиняет боль тебе, – парировала Элара. – И всем нам. Дай мне помочь. Пожалуйста.

Он замер. Смотрел в ее глаза. Видел там не страх, а любовь и решимость. Он кивнул, сжав зубы.

Ее пальцы коснулись черного металла доспехов над пульсирующим багровым ядром. Золотисто-зеленый свет брызнул из ее рук, встретившись с кровавым сиянием. Раздалось шипение, как от раскаленного металла, опущенного в воду. Элара вскрикнула от боли, ее лицо исказилось. Кай почувствовал, как ее сила вливается в него – не в тело, а прямо в сущность ярости Беллакора. Это было как влить родниковую воду в кипящую лаву. Произошел взрыв боли и сопротивления внутри него. Багровый свет вспыхнул ослепительно, пытаясь отбросить исцеляющее прикосновение. Кай зарычал, упав на колени, его руки вцепились в камни. Это была битва не на жизнь, а на суть. Ярость войны против милосердия жизни.

– Держись... – сквозь боль прошептала Элара, ее руки дрожали, но не отрывались. – Я... с тобой...

Она вложила в свет всю свою волю, всю свою любовь, всю веру в него. Она не пыталась уничтожить ярость. Она пыталась *обуздать* ее, обернуть ее разрушительную мощь в силу защиты, в решимость, направленную на созидание, а не на хаос. Она вплетала в багровую бурю свои золотые нити жизни, свою бирюзу возрождения.

Битва длилась вечность, хотя прошло лишь несколько минут. Постепенно багровый свет под ее руками стал меняться. Он не погас. Он стал глубже, темнее, как запекающаяся кровь, но его пульсация замедлилась, стала мощной, как удар кузнечного молота по наковальне, а не бешеным сердцебиением обезумевшего зверя. Агрессия уступила место сконцентрированной силе. Ярость стала *решимостью*.

Элара отняла руки. Она была бледна как смерть, ее трясло, по щекам текли слезы от боли и напряжения. Но в ее глазах светилась победа.

Кай поднял голову. Его дыхание выравнивалось. Багровое ядро на груди пульсировало ровно, тяжело. Оно не исчезло. Оно стало частью его. Но теперь это была не чужая, враждебная сила. Это была *его* сила. Его ярость. Его решимость защищать то, что дорого. Он встал. Помог подняться Эларе. Их взгляды встретились. Никаких слов не было нужно. Он обнял ее осторожно, чувствуя, как ее аура жизни слабо трепещет, обожженная его пламенем, но не отстраняясь.

– Спасибо, – прошептал он.

Она слабо улыбнулась, прислонившись к его доспехам.

Тишину нарушил тревожный клекот Зефира. Грифон стоял, настороженно глядя в сторону форпоста. Кай и Элара обернулись.

Хаос в лагерях рабов и солдатских форпостах внезапно замер. Драки прекратились. Крики стихли. Даже пламя пожаров словно притухло. Воздух стал тяжелым, густым, как сироп. Движение замедлилось. Пыль, поднятая в воздух, застыла в нем, как в янтаре. Птицы замолчали на лету. Ветер стих. Наступила неестественная, гнетущая тишина. Казалось, само время застыло.

Кай почувствовал это первым. Давление. Не физическое. Метафизическое. Ощущение невероятной *тяжести*, лежащей на разум, на волю, на само желание двигаться. Его Видение

"Изъянов" сработало автоматически, сканируя пространство. Оно показало не слабые точки, а... пустоту. Зоны абсолютного застоя, где молекулярное движение замедлялось до предела. Ауру невероятной косности, сопротивления любым переменам.

– Что... – начала Элара, но ее голос прозвучал глухо, замедленно. Ее рука, поднятая, чтобы поправить волосы, двигалась с трудом, как сквозь вязкую смолу.

Зефир издал глухое предупреждающее ворчание, но и оно прозвучало растянуто, неестественно. Даже дыхание Люмин, и без того поверхностное, стало едва уловимым.

Из-за угла ближайшего барака, двигаясь с невыносимой, нечеловеческой медленностью, показалась фигура. Она была невысока, словно высечена из серого, потрескавшегося камня. Черты лица стерты временем, невыразительны. Движения плавные, но такие тягучие, что вызывали тошноту. Каждый шаг занимал вечность. От нее исходила аура удушающей скуки, подавляющей любую инициативу, любое побуждение к действию. Воздух вокруг нее казался окаменевшим. Пыль висела неподвижно. Это было воплощение инерции, мертвой точки, конца всякого движения.

Стаз'ир. Бог Застоя. Окаменевшей Воли. Мертвой Инерции. Он пришел.

Он остановился в двадцати шагах от них. Его безликий "взгляд" скользнул по Каю, по его доспехам, по пульсирующему багровому ядру. Потом перешел на Элару, на Зефира, на Люмин. Никаких эмоций. Только абсолютное, подавляющее безразличие к жизни и ее суете. Его присутствие усиливало давление. Каю казалось, что его мысли густеют, замедляются. Поднять руку, сделать шаг – требовалось невероятное усилие воли. Даже дыхание стало трудным.

– Кай... – имя Элары прозвучало с усилием, как стон. Она пыталась собрать свои силы, но ее золотисто-зеленый свет гас, подавленный аурой застоя. – Он... останавливает... жизнь...

Стаз'ир медленно, с невыносимой неторопливостью, поднял руку. Не для атаки. Для жеста. Простого указания. На Кая.

Поле застоя стусилось, сфокусировалось. Оно обрушилось на Кая волной абсолютной косности. Ему показалось, что его залили жидким свинцом. Каждая клетка его тела восставала против движения. Мысли расплывались. Даже багровая ярость в его груди замедлила свою пульсацию, как будто ей стало лень бушевать. Инстинктивно он активировал ярость Вер'дака, вплетенную в доспехи, пытаясь получить рывок силы, скорости. Но импульс, обычно мгновенный, растянулся, потерял остроту. Он сделал шаг вперед, к Стаз'иру, но это было похоже на движение под водой, на глубине в километр. Каждый сантиметр давался с титаническим усилием. Его Молот, обычно легкий в руке, стал весить тонны.

Стаз'ир наблюдал. Его каменное лицо оставалось неподвижным. Он сделал еще один шаг. Медленный. Неотвратимый. Давление усилилось. Кай почувствовал, как его собственные доспехи "Пламя Возмездия", обычно гибкие, как вторая кожа, начинают коченеть, становятся тяжелее. Как будто металл на глазах превращался в камень. Иллюзии Си'ротто, которые он попытался создать, чтобы сбить прицел или создать копию, рассеялись, не успев сформироваться, подавленные всеобъемлющим застоем.

Элара, собрав последние силы, попыталась высвободить волну жизни, чтобы противостоять застоя. Золотисто-зеленый свет рванулся от нее, но, столкнувшись с полем Стаз'ира, замедлился, потускнел и рассыпался, как песок. Она вскрикнула, упав на колени, ее энергия была исчерпана. Зефир рычал, но его рык был протяжным, низким, лишенным силы. Он пытался подняться, защититься, но его мышцы не слушались, отяжелевшие.

Стаз'ир был уже в десяти шагах. Его каменная рука медленно протягивалась к Каю. Не для удара. Для *прикосновения*. Кай знал – если эта рука коснется его, застой станет необратимым. Он окаменеет. Его воля, его ярость, его любовь – все превратится в пыль, в безмолвную статую посреди руин.

Отчаяние смешалось с багровой яростью. Он *не мог* проиграть здесь! Не после всего! Не когда Элара и Люмин были так близки к спасению! Ярость Беллакора, теперь его ярость,

взревела внутри, восстав против оков застоя. Но одной ярости было мало. Нужно было нечто большее. Нужна была его суть. Суть кузнеца.

Он вспомнил Ай'луна, Бога Знаний. Его слова: "Сила Игнариуса... Она в тебе. Или ты воровал его искры? Неважно. Ты... алхимик материи".

Он посмотрел на Молот в своей руке. На "Наковальню Мироздания". Он был инструментом не только разрушения, но и *изменения*. Кратковременного изменения свойств материи.

Кай собрал всю свою волю. Всю свою сконцентрированную ярость. Всю свою любовь к жизни, которую защищал. Он сосредоточился не на Стаз'ире, а на пространстве *вокруг* себя, на поле застоя, которое сковывало его. Он увидел его "изъян" не как слабость, а как свойство. Свойство замедлять, окаменывать, вызывать стазис.

И он ударил. Не по Стаз'иру. Молот обрушился на камень у его собственных ног. Но это был не просто удар. Это был удар *перекраивающий*. Кай высвободил крошечную, сфокусированную искру силы Игнариуса, направленную не на разрушение камня, а на изменение самого *свойства* поля застоя в локальной области вокруг себя. Он сделал его... *текущим*. Как вода. На мгновение.

Поле застоя дрогнуло. Его монолитная структура в радиусе нескольких шагов вокруг Кая потеряла жесткость, стала податливой, неустойчивой. Давление ослабло. Скованность исчезла. Это длилось доли секунды. Но Кая хватило.

Он двинулся. Не с бешеной скоростью ярости, а с выверенной мощью кузнеца, бьющего по раскаленному металлу. Он использовал силу тверди Тер'ракс, вплетенную в доспехи, не для защиты, а для придания своему движению неумолимой, сокрушающей инерции. Молот свистнул в замедленном, но все еще страшном мире Стаз'ира, направленный не в каменное тело бога, а в точку перед ним, в само *пространство* застоя.

Удар Молота встретился с протянутой каменной рукой Стаз'ира.

Раздался звук, не похожий ни на что. Не звон металла о камень. Не треск. Это был звук лопающегося *вакуума*, разрыва *пустоты*. Звук остановленного времени, снова пришедшего в движение.

Пространство вокруг точки удаля взорвалось волной обратной силы. Стаз'ир, его движение и без того медленное, отшатнулся. Его каменная фигура дрогнула. В его безликих глазах, если их можно было так назвать, мелькнуло нечто – не боль, не удивление. Крайнее *неудобство*. Нарушение предсказуемого, застывшего порядка вещей.

Кай не стал ждать. Он знал, что его "текущее" окно закрылось. Поле застоя снова сжималось вокруг него, тяжелея. Он поднял Молот для второго удара. На этот раз цель была ясна – само ядро застоя, ту самую "пустоту", которую он видел своим Видением в центре ауры Стаз'ира.

Но бог застоя опередил его. Он не стал атаковать. Он... *исчез*. Не телепортировался. Он просто перестал быть. Растворился в окружающей каменной кладке форпостной стены, слился с ней, как будто его никогда и не было. Давление исчезло мгновенно. Воздух хлынул в легкие. Время снова потекло с нормальной скоростью. Пыль упала на землю. Где-то далеко прокричала птица. В лагере снова поднялись крики и звуки борьбы.

Кай стоял, тяжело дыша, Молот наготове. Багровое ядро на его груди пульсировало ровно, мощно, но без прежней агрессии. Элара поднялась, опираясь на стену, ее глаза широко раскрыты. Зефир встряхнулся, пробуя крыло. Даже Люмин слабо шевельнула хвостом.

Стаз'ир ушел. Но его визит оставил след. Чувство тяжести, косности, висело в воздухе, как призрак. И Кай почувствовал что-то новое внутри себя. Крошечную частичку этого застоя. Как песчинку, застрявшую в механизме. Напоминание о том, что любая ярость, любая воля к движению, может быть остановлена. Цена победы над одним богом – прикосновение к сути другого.

Он опустил Молот. Повернулся к своим.

– Уходим. Сейчас. Пока другие не пришли.

Элара кивнула, подбирая Люмин. Зефир расправил крылья, готовясь к тяжелому, но возможному взлету. Кай взвалил контейнер на плечо, окинул последним взглядом дымящиеся руины Цитадели Вечной Бойни и багровое, угасающее небо над ней. Падение Ярости было завершено. Но впереди был Застой. И другие испытания.

Они шагнули из тени стены в открытое пространство плато, навстречу неопределенному будущему, унося с собой груз побед, потерь и божественных сил, которые могли как спасти, так и погубить их всех.

Глава 34

Плато перед рушащейся Цитаделью Вечной Бойни напоминало растревоженный муравейник под ногой гиганта. Хаос, вырвавшийся из чрева крепости, расползался по предместьям. Солдаты, лишившиеся командиров и дисциплины, дрались за уцелевшие припасы или бежали врассыпную, сбрасывая опознавательные знаки. Надсмотрщики, вчерашние мелкие тираны, метались как затравленные звери, пытались укрыться или примкнуть к сильнейшей банде. Рабы, сломавшие оковы, предавались мести, грабежу или просто бежали в скалы, оглашая воздух дикими криками освобождения и страха. Пожары лизали деревянные бараки и склады, черный дым стелился по земле, смешиваясь с пылью и запахом паники. Воздух звенел от стали, криков боли, ярости и отчаяния.

Кай стоял спиной к этой агонии, лицом к скалам. Его доспехи «Пламя Возмездия» пульсировали глубоким багровым светом – ровным, мощным, как удары сердца разбухшего вулкана. Ярость Беллакора была обуздана, закована волей и прикосновением Элары, но она жила внутри, тяжелым, горячим ядром. Он чувствовал ее постоянное давление, искушение развернуться и врезаться в эту толпу, смести хаос силой еще большего хаоса. *Разрушить, чтобы навести порядок.* Исконный путь Игнариуса. Но он сжал рукоять Молота, ощущая знакомый вес «Наковальни Мироздания», и прогнал искушение. Он видел Элару, склонившуюся над Люмин в тени скального выступа, ее бледное, сосредоточенное лицо, слабое золотисто-зеленое сияние, окутывающее лису. Видел Зефира, примостившегося рядом, его мощный бок поднимался тяжело, огромное крыло неестественно подогнуто, рана на груди под запекшейся кровью напоминала о только что пережитом. Они были его якорем. Его причиной не поддаваться.

Он ощущал и другое. Тонкую, холодную песчинку в механизме своей воли. Остаток Стаз'ира. Бог Застоя ушел, но оставил след – призрак инерции, тяжести, сопротивления любому движению. Кай знал, что эта песчинка может стать камнем преткновения в критический момент. Она требовала постоянного усилия, дополнительного расхода воли, чтобы преодолеть внутреннее сопротивление перед каждым действием. Особенно перед использованием силы.

– Готовы? – Его голос прозвучал хрипло, пробиваясь сквозь шум ветра и далекие крики. Он повернулся.

Элара подняла голову. Темные круги под глазами говорили о крайнем истощении, но в глазах горела решимость.

– Люмин дышит ровнее. Силы почти нет, но искра жизни стабильна. Ей нужен покой и место силы. – Она осторожно приподняла лису, завернутую в плащ Кая. Серебристый мех тускло мерцал, девять хвостов безжизненно свисали. – Зефир?

Грифон глухо клекнул, расправив здоровое крыло. Поврежденное он держал прижатым к телу, стараясь не двигать им. В его золотых глазах читалась боль, но и готовность.

– Могу лететь. Недалеко. Невысоко. – Мысленный импульс был слабее обычного, но четким.

– Тогда в путь. – Кай взглянул на хаотичный лагерь, на дымящиеся руины цитадели. – Здесь скоро будет ад хуже прежнего. Когда весть о падении Беллакора дойдет до других богов...

Он не договорил. Все понимали. Охота возобновится с новой силой. Им нужна была передышка. Укрытие. Он подошел, взял у Элары Люмин. Лиса была легкой, почти невесомой, но ее жар обжигал даже сквозь доспехи. Багровое ядро на его груди дрогнуло, отозвавшись на близость чужой божественной слабости. Кай стиснул зубы, подавив всплеск чуждой агрессии. *Защита. Не охота.* Он передал Люмин Эларе обратно – его доспехи, его аура могли ей навредить. Затем взвалил на плечо металлический контейнер, оставшийся от Крага. Вес был ничтожен для его силы.

– Лети за мной, друг. – Он кивнул Зефиру. – Мы найдем ущелье, пещеру. Что-нибудь.

Элара устроилась на спине грифона, бережно прижимая Люмин. Зефир, кряхтя от усилия, оттолкнулся здоровой лапой, расправил крылья и тяжело поднялся в воздух. Его полет был неровным, кренящимся, высота минимальна – чуть выше скал. Кай пошел следом по земле, выбирая путь вдоль основания горной гряды, уходящей от плато на запад. Его Видение «Изьянов» сканировало местность: искало скрытые тропы, пещерные входы, зоны обрушения, источники воды. Одновременно он чувствовал пространство вокруг – след Стаз'ира заставлял его сознание постоянно преодолевать невидимое сопротивление, словно он шел по глубокому песку.

Они миновали последние форпосты, где хаос был особенно густ. Группа озверевших рабов пыталась растерзать бывшего надсмотрщика. Отряд солдат в относительно целых доспехах отбивал атаку таких же обезумевших легионеров у полуразрушенного склада. Кай вел Зефира в обход, используя скальные выступы как укрытие. Его присутствие, его аура подавляющей силы и скрытой ярости заставляла даже самых агрессивных невольно отступать, давая дорогу. Он видел страх в их глазах. Страх перед чем-то большим, чем их мелкие распри.

Чем дальше они уходили от цитадели, тем безлюднее становилась местность. Скалы становились выше, ущелья глубже. Воздух очищался от гари, наполняясь запахом камня, полыни и редких, выносливых цветов, пробивавшихся среди щебня. Солнце, пробивавшееся сквозь слои дыма на горизонте, бросало длинные тени. Тишина, прерываемая лишь криками далеких хищных птиц и шумом ветра в расщелинах, казалась благословением после адского гула Вечной Бойни.

Кай нашел пещеру через час пути. Неглубокая расселина в скале, скрытая нависающим уступом и зарослями колючего кустарника. Внутри было сухо, прохладно и достаточно места, чтобы укрыться. В глубине виднелся тупик и небольшое углубление, похожее на логово.

– Здесь, – сказал Кай, осмотрев вход и убедившись в отсутствии опасных трещин или следов обитателей.

Зефир тяжело опустился у входа, бережно позволив Эларе слезть. Она сразу ушла вглубь пещеры, к углублению, и осторожно уложила Люмин на мягкую подстилку из собственного плаща. Золотисто-зеленый свет снова заструился из ее рук, окутывая лису. Кай сбросил контейнер, снял шлем. Лицо его было усталым, покрытым сажей и пылью. Багровое свечение доспехов в полумраке пещеры казалось зловещим.

– Как она? – спросил он тихо, подходя.

– Стабильно, – ответила Элара, не отрывая взгляда от Люмин. – Но искра очень слаба. Она выгорела почти дотла, поддерживая иллюзии на таком расстоянии и концентрации. Ей нужна лунная энергия, покой... и время. Много времени. Моя сила... – она вздохнула, – ... может лишь поддерживать жизнь, но не восполнить потерю магической сути. Это как пытаться напоить иссохшее русло родником – вода уходит в песок.

Кай кивнул, понимая. Он посмотрел на Зефира. Грифон тяжело дышал, его золотые глаза были прищурены от боли.

– А он?

– Рана глубокая, – Элара перевела внимание на грифона. – Кость треснула, сухожилия порваны. Я остановила кровь, сняла воспаление, но для полного исцеления... ему тоже нужен покой. И сила земли или неба. Здесь, в камне... – она положила ладонь на холодную стену пещеры, – ...есть отголоски, но слабые. Осколки силы Тер'ракс, рассеянные и глухие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.